

Антон Карпов

Лабиринт

Карпов Олегович Антон

Лабиринт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68853399

SelfPub; 2023

Аннотация

У героя отобрали слишком много. Но подарили шанс. Один шанс – отомстить. Или всё исправить.

Карпов Антон

Лабиринт

*Пауки в банке искали дыры,
чтобы вскарабкаться наверх – друг друга жрали,
Хватали муху за крыло*

Янка Дягилева

*

Я выдохнул и уже не смог вдохнуть. Удар пришёлся точно в солнечное сплетение.

*– Знакомься, дружок, это слово **никогда**. Жизнь продолжается, а ты – нет. – Проговаривая это, он улыбается и смотрит мне в глаза, ждёт реакцию. Напрасно. Я умею не показывать эмоции. – Ладно, не бойсь, сейчас отпустит.*

Он отворачивается и принимается что-то искать. Роется по столам среди десятка опрокинутых пробирок и старых колб, мечется по лаборатории.

– Да где же ты... – бормочет себе под нос.

Огонь справа, на столе с реактивами. Я хочу встать, но не могу. Руки привязаны к подлокотникам. Грудь сжата

ремнём.

– О! А мы тебя потеряли! – Он взял ампулу и шприц. Проткнул резиновую пробку иглой.

Комната наполняется дымом. Пламя всё ярче. Он мог бы потушить огонь, но даже не пытается этого сделать. Пожар скроет следы.

– Сейчас-сейчас... – говорит он и набирает в шприц мутноватую жидкость. – Не спеши. Время у нас есть... Так ведь? Время есть? Сейчас мы – чик! И готово.

В окнах под потолком мелькнула тень. Кто там? Там **кто-то** есть?!

Рывками, пока он не видит, я выкручиваюсь и освобождаю правую руку. В кисти при этом раздаётся хруст, суставы простреливает острая боль, но сейчас не до этого. Нужно вытащить левую, развязать ремень на груди! Нужно делать всё максимально быстро!

Он поднимает шприц иглой вверх и разворачивается ко мне, как солдат, на левой пятке. Оскаливает в фальшивой улыбке ровные сделанные зубы, глаза при этом остаются такими же холодными.

– Ну что, дружок, ты готов?

*

Автобус тряхнуло, и Тимур открыл глаза. Окружающий мир навалился на него неожиданно тяжело, невыносимо. Шумный автобус, какие-то люди, сумки, запах сырости.

Что это было? Человек в белом халате, шприц и ампула, пожар... Бред какой-то.

Он уже триста раз пожалел о том, что согласился ехать. Голова раскалывалась после вчерашнего. А старый автобус, собака, вздрагивал на каждой кочке, как лихорадочный. Дорогу в этом месте не ремонтировали, наверное, с прошлого века.

Тимур достал из рюкзака бутылку и сделал несколько больших глотков. Сейчас бы хорошо заварить горячего сладкого чаю с лимоном. Цедить его и не шевелиться. Просто не шевелиться. Нет, он трясётся в этом корыте уже битый час.

Аккуратно, чтобы не болтало, Тимур пристроил голову на спинке кресла и закрыл глаза. Пассажиры в передней части салона о чём-то бухтели, смеялись. Иногда поглядывали на него и перешептывались.

Его не интересовали их разговоры. Он думал только об одном – вместе с водилой надо будет поехать назад. Неважно, что скажет Тарасенко или кто там ещё. Нет! Вернуться в город, закрыться в комнате и не выходить неделю. Или месяц. Сколько потребуется. Только бы никого не видеть. Не слышать. Не знать.

Тимур укутался поглубже в куртку и снова закрыл глаза. Если повезёт, ему ещё удастся уснуть. Что-что, а отключаться в автобусах он умел хорошо. Научился в студенческие годы. Звук работающего мотора и мягкое покачивание прекрасно делали своё дело.

Там, во сне, ещё была вероятность, что они могут встретиться с Аней. Тонкая нить между ними никуда не делась. Несмотря ни на что.

*

(неделей раньше)

Тарасенко припарковал черный BMW в тени большого старого каштана с мощным стволом.

Поднимаясь по ступеням учебного корпуса, он чувствовал взгляды студентов. Мужчина средних лет, подтянутая фигура, хороший костюм, туфли, часы. Он, что называется, знал себе цену. Поэтому двигался неспешно, с достоинством. Тарасенко нравилось думать, что он сделал себя сам, своими руками, своим трудом (какой бы ложью это не было на самом деле).

Воздух в холле заметно прохладней, чем на улице. Под ногами поскрипывает старинный лакированный паркет. Большие панорамные окна нависают над коридором и заливают его добрым светом июньского солнца. На стенах портреты учёных, но Тарасенко до них нет никакого дела.

Он поднялся на третий этаж и свернул в коридор. Поравнялся с группой студенток.

– Девушки, подскажите, где здесь 312 аудитория?

Сперва оценивающие, затем одобрительные взгляды. Женщины загорались, как светлячки в его присутствии. Та-

расенко знал это и с удовольствием погружался в тёплые воды их внимания.

Вот и сейчас он увидел своё отражение в нескольких парах заинтересованных глаз. Выбрав самую красивую, он обратился к её подружке.

– 312 – это там, за поворотом – ответила девушка и поднесла руку к волосам.

– Ага, понятно. Вы меня не проводите? Боюсь заблудиться.

– А... – она растерянно улыбнулась. – Ну, хорошо... – на последней фразе Тарасенко мельком глянул на красавицу. Та готова была вспыхнуть от такого внимания, направленного не на неё.

– Шучу-шучу! Спасибо. – он подмигнул ей и пошёл дальше, прекрасно зная, где находится аудитория.

Для большинства студентов учебный год уже окончен, экзамены сданы. А в 312 сидят люди. Немного. Шахматный клуб Университета. Когда-то и сам Тарасенко был членом этого клуба. Но те времена давно прошли, преподавательский состав сменился, остались только воспоминания.

Тарасенко тихо вошёл в аудиторию и сел на одно из свободных мест.

*

Вечно так, пока никуда не спешишь, время тянется в час по чайной. Но стоит назначить встречу, как всё меняется!

Туда-сюда и ты уже опаздываешь. Тимур прекрасно знал, что не стоит заходить. Что в этот час лучше заняться чем-то другим, подготовиться ко встрече с Аней. Но нет же. Заглянул. Остался. Сел за стол.

А Юра? Что Юра? Как обычно – думает над каждым ходом по три часа. Вот и сейчас. Тимур в семь шагов раскидал половину его фигур. Еще три и будет мат. И хуже всего, Юра это понял. Зацепился. Стал злиться – дым из ушей.

Время идет. Ещё пятнадцать минут и Тимур опоздает. А опаздывать ему сегодня никак нельзя. Аня сказала, что вечером пойдёт к Ирке. Но это ближе к девяти. А сейчас только без четверти пять. Тимур вызвался проводить её домой. Аня согласилась. Получается, что это уже почти как свидание? Мать её сегодня на смене. Напроситься на чай, купить сладостей. А там, глядишь, и не до Ирки будет.

От этой мысли Тимур приятно поежился. Потянулся ногами под столом, как кот. И даже красная розга Юры в этот момент не казалась ему такой противной. Точнее – затылок. Большая свежая поляна на том месте, где ещё недавно колосились кудрявые волосы. Эх, Юра-Юра...

Но время! Время! Тимур понимал, что при самом благополучном раскладе до победы ему остаётся ещё минимум три шага. Если Юра будет и дальше так думать, он не успеет встретить Аню. В вазе на подоконнике стоял заранее купленный для неё букет (НЕ ЗАБЫТЬ!), и этот вечер Тимур не собирался отдавать никому.

Наконец, Юра поднял руку, занёс над шахматной доской... и замер. Отвёл руку назад.

Да чтоб тебя! Тимур сжал губы.

На часах 16:47. Аня заканчивает в 17:00. Может, просто встать и уйти? Он больше не мог смотреть ни на доску (где всё давно понятно), ни на лысеющую голову Юры. Зачем он вообще согласился участвовать в этом турнире?!

За соседними партами скучали участники комиссии и парочка членов шахматного клуба. Тимур знал всех присутствующих кроме одного. Мужчина в классическом костюме появился в аудитории недавно, уже во время игры. Он занял одну из первых парт и внимательно смотрел.

Кто он такой? На вид лет пятьдесят. Курчавые волосы собраны в косичку на затылке. Поймав взгляд Тимура, мужчина не стал отводить глаз. В нём чувствовалась уверенность в себе и вызов, присущие успешным людям.

Юра снова зашевелился. Тимур вздохнул и посмотрел на доску. Сдвинув ладью, Юра поступил единственным возможным (и давно просчитанным!) образом.

Да, всё верно. Три шага и – мат. Только мы сюда не пойдём.

Тимур взял ферзя и поставил его на середину поля, точно под удар. Наступила пауза. Юра сморщился, затем поднял удивлённые глаза на Тимура. Он даже не пытался скрывать своих эмоций. Тимур улыбнулся и кивнул ему: БЕЙ.

Юра ещё раз опустил глаза в поисках подвоха. Но подвоха

никакого не увидел. Он беспрепятственно вывел вперёд офицера и забрал ферзя.

Члены комиссии чуть притихли. В ближайшие несколько минут Тимур отдал сопернику ладью, двух пешек подпустил его к королю... и – мат. Юра победил. Не веря своей удаче, он никак не мог оторваться глазами от фигур на поле.

– Поздравляю! – сказал Тимур, встал из-за стола и поспешил к выходу.

Уже у дверей он вспомнил про букет и, в обход собравшихся, прошмыгнул к подоконнику с вазой. Ещё можно успеть!

*

По лестничным пролётам вихрем вниз. В вестибюле остановился, свернул в туалет. Негоже посреди свидания отвлекаться на такие мелочи. Юра так долго мурыжил его, что никаких запасов прочности не осталось.

Тимур не любил слишком долгие контакты – вот так, нос к носу. Да ещё и с человеком, который испытывает к тебе по большей части негативные эмоции. От такого общения вокруг головы скапливается тяжесть, волосы пачкаются, мысли становятся какими-то неприятными... Хочется смыть! Поскорее смыть весь этот груз, следы чужих людей на лице. Поэтому он умывался. Ещё и ещё.

Не стоило всё-таки соглашаться играть. Одно дело товарищеский матч в общаге – под какую-нибудь выпивку, с музыкой, с выкриками «Конём ходи! Век воли не видать!».

И совсем другое – вся эта официальщина. Соревнование по шахматам. Напряжённое молчание. Нервы. Нервы. Никакой тебе музыки. И уж тем более никакой выпивки. Только запах тревоги и пота. Фу! Он ещё и ещё раз омыл лицо водой.

– Зачем вы это сделали?

Тимур вытер воду с лица. В отражении зеркала стоял тот самый мужчина из аудитории. Костюм, часы, одеколон. Полный набор неуверенного в себе мальчика, старающегося доказать что-то. Во взгляде вызов, в движениях неторопливость. Он подошёл к умывальнику рядом с Тимуром и включил воду.

– Сделал что?

– Поддались.

– С чего Вы взяли? – Тимур выключил кран и достал из ящичка на стене несколько бумажных полотенец.

– Бросьте, молодой человек. Шахматы – это игра для тех, кто умеет думать на несколько шагов вперёд. Вы уверенно двигались, не ошибаясь, не сворачивая. Вы вели игру. А потом у самого финала неожиданно оступились? Когда до победы оставалось три шага? Это не могла быть случайная ошибка. Вы нарочно отдали сопернику ферзя, а затем и всё остальное. Не стоит недооценивать зрителя. Вы поддались.

Тимур понял, что спорить с этим человеком бесполезно.

– Кто-то ведь должен победить. Юра очень хотел полу-

чить эту... грамоту или медаль? Что ему там дали? Ну вот, пожалуйста. Он её получил, все довольны, представление окончено.

Мужчина посмотрел на букет, лежащий здесь же, на раковине.

– А, цветы, понятно. Ну, это другое дело! Я уже видел однажды что-то подобное. Игрок так спешил на свидание с новой знакомой, что решил слить игру и сэкономить время. Так?

– Время? Да, точно! Вы абсолютно правы, времени нет, спешу! Всего доброго. – Тимур вытер руки, бросил полотенца в ведро и направился к выходу.

– Одну минутку, пожалуйста, – сказал костюм.

Тимур хотел было его послать, но почему-то сдержался. Не похож этот тип на тех, кого можно спокойно отправлять в далёкое путешествие. Он повернулся и выжидающе посмотрел.

– Вы уже решили, где будете проходить практику?

– Нет.

– Я так и предполагал. Вот, возьмите, – мужчина достал из кармана визитку и протянул ему. – Имейте в виду, молодой человек, такие предложения поступают далеко не каждому студенту.

Визитка оказалась очень мягкой на ощупь. Фиолетовый войлок, золотые буквы. Надпись: Тарасенко Владимир Викторович директор отдела по разработке препаратов специ-

ального... – дальше Тимур читать не стал. Не интересно.

– Вы говорите, предложение не для каждого. Тогда зачем Вам я? Опыта работы нет. Как там работодатели обычно пишут, от 2 лет?

– Если я правильно понял, Вы способны мыслить нелинейно. Так сказать, подниматься над ситуацией. В нашем деле необходим свежий взгляд и именно это качество – мыслить нелинейно.

– Ясно. Спасибо. Я подумаю недельку, позвоню вам.

– Три дня.

– ...хорошо, три. Всего доброго!

– Удачного свидания.

Тимур сунул визитку в карман и вышел. Никому звонить не собирался. Через пару минут он и вовсе забыл об этом странном человеке.

*

Аня совмещала работу в университетской библиотеке с учёбой. Собственно, Тимур и согласился поиграть в шахматы, чтобы скоротать время, пока ждал её. Но кто же знал, что игра затянется так надолго?!

Он поднялся в библиотеку. Свет выключен. У дверей копается Наталья Николаевна. Эту женщину всегда можно узнать по связке пакетов в руках. Что она вечно носит в своих сумарях? Книжки? Кирпичи? Пачки денег?

– Добрый вечер, – сказал Тимур. Он уже понял, что Ани нет. И стоило бы сразу развернуться, бежать за ней. Но почему-то решил уточнить.

Услышав голос Тимура, Наталья Николаевна развернулась.

– А, молодой человек...

– Подскажите...

– Ушла-ушла. Минуты три, как ушла, – Она посмотрела на букет в руках Тимура. – Ещё догоните.

– Ага, спасибо! – Тимур развернулся и побежал по ступеням вниз.

*

Из этой части парка реку видно лучше всего. У берега пришвартованы длинные грузовые баржи. Несколько месяцев назад, ещё зимой, Тимур простоял здесь почти час. Смотрел, как снег падает в реку и окрашивает баржи в белое.

Тогда, зимой, они с Аней ещё общались на «Вы». Но Тимур уже чувствовал, как что-то меняется. Мысли о ней посещали его всё чаще. Когда рядом с тобой человек с таким чувством юмора, с таким заразительным звонким смехом, грустить приходится. Очень многое обращалось в шутку. Ни с кем так не получалось, только с ней.

А ещё Тимур никому не мог довериться так же, как ей (в своё время хорошо прижгли, отучили – и доверяться, и

доверять). По крайней мере, ему так казалось.

Он знал, что Аня пройдёт через парк по этой дорожке, мимо него. Поэтому стоял лицом к реке, спиной к парку. Её шаги всё ближе. Тимур не оборачивался.

– Оп! Поймала! – теплые ладони легли ему на глаза.

– Ага... – Он улыбнулся. Кто ещё кого поймал.

– Ты чего тут?

– Жду тебя. – он повернулся. Она так близко, в шаге от него. Улыбается, глаза горят, аромат духов. Тимур протянул ей букет – Провожу?

– Ой, спасибо! Пойдём.

Поскрипывая тормозами, автобус накренился вперёд и остановился у здания контрольно-пропускного пункта. Серый бетонный забор, колючая проволока, но никаких опознавательных знаков или вывесок.

Дверь открылась, вышел человек в серой форме охраны. Судя по торчащим в разные стороны рыжим волосам, этой ночью спать ему довелось не больше двух-трёх часов. Он медленно посмотрел на номера автобуса, перевёл глаза на окна салона, затем опустил руку на пульт, и металлическая воротина поехала в сторону.

В глубине за деревьями показались безликие трехэтажные здания типовой постройки.

Тимур уже видел такие здания – будучи девятилетним мальчиком, шагающим под дождем к серым корпусам школы-интерната. Его рубашка намочла и прилипла к телу. Ему холодно и страшно. С каждым порывом ветра нижняя челюсть начинает дрожать, и сотни иголок впиваются в кожу.

Сколько лет прошло? Двенадцать. А, оказывается, этот мальчик всё также внутри Тимура. Никуда не делся. И также напуган.

Он вышел из автобуса и огляделся. В висках тяжело гудело. Хотелось курить, а сигареты кончились. Подошёл к водителю, который как раз доставал из кармана пачку.

– Можно?

Водитель щелкнул пальцем по дну, и на пол-корпуса выскочила сигарета.

– Благодарю, – Тимур прикурил. Раздался лёгкий треск, по языку пробежал островатый дым. – Когда Вы едете обратно?

– В город-то?

– Да.

– Пятница, – сказал водитель и громко откашлялся.

– А раньше нет?

– Раньше нет.

Тимур кивнул ему и отошёл сторону.

Двенадцать лет назад он уже стоял на пороге вот такого же заведения закрытого типа. Сбросили как псину, с глаз до-

лой. А дальше... Семь долгих, бесконечно долгих лет. День за днём. День за днём. Металлической связкой гусениц, тяжёлым танком, перемальывающим твоё нутро в фарш, превращающим всё живое в мусор. Так, чтобы ничего от тебя прошлого не осталось.

Он просто не мог поверить, что этот бред когда-нибудь закончится. И вот теперь снова – бетонный забор, серые корпуса да лес в качестве живой изгороди.

Здания здесь выглядят посвежее, но Тимур готов поклясться, что вот то трёхэтажное с небольшими балконами, скорее всего спальный корпус (кое-где на окнах в подтверждение сушилось бельё). Второе с большими обзорными окнами – лабораторный, административный, или ещё какой-нибудь, но суть одна. Здесь они работают, а там спят. Ну а вот то одноэтажное здание с клумбами у входа – это, несомненно, столовая. За ними виднелись ещё какие-то постройки, но эти три, определённо, самые основные.

Снова пошёл дождь. Тимур запрокинул голову и представил лицо холодным каплям. Семь лет... Он хотел бы выгрызть их из памяти. Вырезать из себя все, что связано с тем проклятым местом.

Дождь разошёлся не на шутку. Сигарета потухла. Все, кто ехал с ним, давно ушли. А Тимур не мог пошевелиться. На крыльце появилась женщина.

– Молодой человек, чего стоите? Вам сюда!

Что ж, подумал он, пешком идти через лес пока не охота.

Потерпим до пятницы и домой. Но ни дня дольше!

*

В кабинете на втором этаже панорамные окна с тонировкой. Тикают большие напольные часы. На экране телевизора шевелит губами диктор. Вокруг него плывут свечки графиков, индексы, курсы валют.

Размешивая молоко в чашечке с кофе, Тарасенко смотрит, как на территорию НИИ въезжает автобус. Вот выходят водитель, сотрудники... а вот и Тимур. Ложечка на секунду останавливается и снова принимается цокать по стенкам.

Тарасенко наблюдает за тем, как юноша разговаривает с водителем, а затем долго курит под дождём. И его внешний вид, и то, что он приехал сюда означают, что свидание после шахматного турнира прошло не так уж удачно. Ну что ж, значит время пришло.

Он достаёт из шкафа старую деревянную коробку с шахматами. Её потёртые бока никак не гармонируют с дорогой столешницей из литого стекла. Но эти старые шахматы стоят дороже любой столешницы. Они – часть воспоминаний Тарасенко.

Он разворачивает доску и расставляет фигуры. Белые к белым, чёрные к чёрным. Делает это не спеша, вызывая в памяти воспоминания, предвкушая продолжение былой истории.

На этот раз он обещает себе только одно – насладиться

каждым моментом. Не пропустить ни единой детали, ни единой нотки в этой пьесе. Такой долгожданной пьесе.

*

Комнату дали отдельную, на две кровати. Если водитель не врет, и до пятницы никого нового сюда не привезут, то Тимур сможет спокойно прожить здесь один. Как в гостинице. И это уже неплохо.

Он вошёл в душевую комнату, разделся и включил тёплую воду. Сразу стало легче. Согрелся, расслабился. Сделал воду погорячей, сел на корточки, прислонившись спиной к стене, положил подбородок на колени. Так, в позе эмбриона, в потоках горячей воды, он чувствовал себя если не дома, если не защищённым, то... ну, хотя бы как-то получше.

*

Обычно они прощались у калитки. Но сегодня Аня вдруг предложила:

– Зайдешь в дом?

– Конечно!

Тимура подкупала её аккуратность. В комнатах чистота, пахнет свежестью. Аня проводила его в кухню, а сама юркнула в темноту одной из комнат и через минуту уже была во всем домашнем. Он не успел и глазом моргнуть, как вокруг все завертелось. На столе появились фрукты, чайник

забурлил кипятком.

Вот бы такую хозяйку привести в дом, подумал Тимур. И ведь не то, чтобы она перед ним рисовалась. Нет, от Ани всегда веяло опрятной свежестью.

– Давай я помогу? – сказал он.

– Сиди-сиди, я сама.

За окном стемнело, вдоль улицы зажглась цепочка фонарей. Тимур расслабился, согрелся. Смотрел на неё, слушал и боялся лишь одного – чтобы время не бежало слишком быстро. Он хотел бы провести с ней не один этот вечер, а больше. Годы. Может быть, даже, всю жизнь.

А потом случилось то, что случилось...

– Слушай, а поехали в Питер? – предложил он.

– В Питер? – переспросила Аня.

– Да!

– Ну, я не знаю...

– Все расходы беру на себя. Билеты, гостиница. От тебя только хорошее настроение! – Тимур сам не ожидал от себя такого предложения. Но, когда оно вырвалось, понял, что это отличная идея. Целую неделю вдвоём, что может быть лучше?! От этой мысли стало жарко! И пусть он блефовал про деньги... деньги найдутся. Ради такого приключения не жалко. Он что-нибудь придумает. Обязательно.

– Ну...

– Или, хочешь, поехали за границу? Турция, Греция? У тебя есть загранник?

– Да, есть. И... – Она как-то неуверенно отвела глаза.

– М? Что-то не так?

– ...я еду в Египет.

– О, Египет? Круто! А когда? (хотелось спросить – с кем? Но Тимур не был уверен, что это уместно).

– Через неделю. – ответила Аня и отвела взгляд.

– Египет – это здорово, да... – пробормотал Тимур. Ему захотелось сменить тему, но ничего не получалось придумать. В голове всё громче стучался вопрос: с кем? с кем?

Зазвенел телефон. Аня взяла трубку, вышла из кухни в комнату и закрыла за собой дверь.

Тимур остался один. Минута, две, три... Он не слышал, о чём она говорит. Да и не стал бы подслушивать. Поэтому сидел и ждал. Непонятное ощущение, будто он находится здесь в последний раз, вдруг пробежало холодком по затылку. Тимур отмахнулся от этой мысли, как от мухи, попытался как-то отвлечься.

Наконец дверь открылась, и Аня вышла из комнаты. Лицо озабоченное. Тимур даже показалось, что она удивилась, увидев его. Она подошла к столу, начала что-то перекладывать, убирать. Отнесла посуду в раковину, включила горячую воду.

– Всё хорошо? – спросил он.

– Да, нормально. – ответила Аня, выжимая на губку моющее средство.

– Слушай, я, наверное, пойду. – Он ждал, что она возра-

зит, предложит ему остаться. Но она не предложила.

– Да, хорошо.

Он никак не мог понять её настроение. Что изменилось? Что он сделал не так? Пытался поймать её взгляд, но она отводила глаза.

– Слушай... – сказал Тимур, уже обуваясь в прихожей. – Понимаю, что это, возможно, не моё дело, но...

– Говори.

– Я хотел спросить, с кем ты едешь в Египет?

И тут её сорвало. Она, наконец, обрела то самое лицо, которое он чувствовал, но не видел.

– Ну почему вам всем так важно знать – с кем я еду?! Какая разница с кем?! – Она рывком убрала волосы с лица. Тимур впервые увидел в её глазах искры злости.

– Извини. – он поднял с пола сумку, открыл дверь и вышел.

*

Стук в дверь. Тимур открыл глаза и не смог понять, где находится. За окном темень, над головой нависли какие-то силуэты... шкаф, зеркало, что-то ещё... А, главное, запах. Пахло *не* домом. Он задержался у кого-то в гостях и заснул? Вроде бы нет...

Стук повторился.

– Да чтоб тебя! – Тимур встал с кровати, запнулся об тум-

бочку, ушиб мизинец.

Открыл дверь и сразу всё вспомнил. На пороге стояла та женщина, что встречала их сегодня. Невысокая, с короткими волосами и маленькими серыми глазками.

– Устроились?

– Угу...

– Напоминаю, ужин в семь. Столовая – одноэтажное здание во дворе. Не опаздывайте, будет шеф. У вас всё в порядке? – она попыталась заглянуть в комнату через его плечо. Тимур знал, что это бессмысленно. Комната за его спиной в полной темноте.

– Всё хорошо, спасибо.

– Не пропустите ужин. Тарасенко сказал, что хочет сделать объявление.

– Да, конечно. Я буду. Спасибо. – Тимур закрыл дверь и, наконец, включил свет.

И снова навалилось. И это НИИ, и Аня, и зачем он вообще сюда поехал?! Клубок недоразумений. «КАКАЯ РАЗНИЦА С КЕМ?!» – снова прозвучал в голове её голос. Как же она хотела, чтобы он ушёл!

Тимур достал из куртки фляжку и допил до конца. Он ощущал себя деревом, сломанным пополам. Энергия выходит через разлом, выливается наружу, а он ничего не может с этим сделать.

*

Долго шёл по ночным улицам. Шёл, не зная куда. В общагу не хотелось. Что там? Пустота. Одиночество. Пошёл в центр. В переулке купил коньяка и колы. Смешал в фляге, отпил. Ещё смешал и поплыл по проспекту вдоль витрин, периодически прикладываясь.

В одном из парков играла музыка. Три барабана на коленях у парней с дредами, девушки танцуют с огненными шарами на цепях. Тимур сел неподалёку и стал слушать.

На соседних лавках тоже сидели люди. Компании молодых людей, влюблённые парочки. Все разговаривали, шумели.

Мимо проехала патрульная машина. Остановилась, направила на них луч дальнего света фар. Постояла так с минуту, выключила свет и поехала дальше. Этот город давно привык к таким вот ночным посиделкам.

Тимур снял сумку с плеча, положил себе под голову и лёг. Смотрел на звёзды сквозь листву деревьев и слушал музыку. Временами проваливался в сон, снова просыпался, вспоминал про Аню и снова старался забыть.

Несколько месяцев подряд день за днём он приближался к ней. Шаг за шагом. А теперь...

Во время одного из таких провалов он, по-видимому, отключился. Открыв глаза в следующий раз, Тимур увидел свет. Ровный гул машин. Барабанички исчезли. Шаркает метлой дворник. Значит, уже около шести утра.

– Ты спи-спи, браток. Только ноги подними, я подмету.

Тимур сел, достал из кармана сигарету, прикурил. На соседних лавочках спали такие же бедолаги, как он. Дворники никого не прогоняли.

*

Нужно как-то продолжать жить прежней жизнью. Двигаться, заниматься делами. А Тимур не мог.

В первый день он отложил все встречи. Закрылся в комнате и пил. На второй день просто выключил звук телефона, положил экраном вниз. На третий разбил телефон об стену. Потому что все время проверял – не звонила ли Аня, нет ли от неё сообщений. А их не было. Звонили все подряд, только не она. В тот момент, когда экран мобильного превратился в осколки, Тимур не стало легче. Теперь, если она и позвонит, он не узнает.

В городе все напоминало о ней. Каждая улица, каждый дом. Нет, конечно, дело не в домах, а в нем самом. Но город так и норовил подсунуть ему то одно, то другое воспоминание. Здесь они гуляли. Здесь он фотографировал Аню. Здесь на балконе на втором этаже стоял какой-то мопед и её это очень забавляло. Здесь они шли по улице и так громко смеялись, что люди оборачивались, но Тимур и Ане было абсолютно все равно.

Чем ярче эмоции тогда, тем больнее сейчас. Уехать бы. Неважно куда, лишь бы не видеть всего этого. Чтобы место было незнакомым и не обжигало воспоминаниями.

На четвёртый день, роясь по карманам в поисках сигарет, он наткнулся на визитку. Сперва не понял, что это. Потом в памяти возник образ мужчины, который заговорил с ним в туалете после шахматного турнира. Да, он предлагал пройти практику в каком-то особенном месте. И судя по адресу, место это находилось в ста пятидесяти километрах от города – в небольшом посёлке где-то в лесах.

– Что ж, прекрасно. – пробормотал тогда Тимур и набрал номер.

*

Есть не хотелось. Тимур взял стакан воды и сел в углу подале от остальных. Облокотился об стену и прикрыл глаза. Слишком яркий свет, в голове гудит.

Посидеть так минут пять-десять и, если никто не объявится, уходить. По большому счёту Тимур и в этом ожидании не видел никакого смысла. Так или иначе он скажет, что практику здесь проходить не намерен. Извините, ошибся, всего доброго, до свидания. Поедет домой, устроится на какую-нибудь работу. А дальше будь что будет.

В столовую вошла компания из шести человек. Тимур узнал Тарасенко. За ним показался какой-то волосатый юноша, девушка в строгом костюме и три парня, с которыми он сегодня ехал в автобусе. Судя по внешнему сходству, двое из них, вероятно, были братьями.

Они подошли к стойкам и стали выбирать ужин. Тарасен-

ко оглядел присутствующих.

– А вот и наш новый сотрудник! – сказал он. – Молодой человек, подсаживайтесь к нам поближе. Будем знакомиться. Давайте-давайте.

Тимур в очередной раз мысленно отругал себя за то, что приехал сюда.

*

– Итак, друзья, мы собрались здесь, чтобы поздравить нашу красавицу, единственную девушку в коллективе. Полина, с днём рождения тебя!

– Ура!

– Поздравляем!

– С днём рождения! – поддержали его присутствующие.

Девушка явно не привыкла находиться в центре внимания. Смутилась, когда почувствовала на себе многочисленные взгляды. Но Тарасенко продолжил свою речь, и ей стало легче.

– И в свете этих событий мне вдвойне приятно сказать следующее. Мало того, что Полина именинница, она ещё и большой молодец. Образец 237 сегодня дал положительный результат. Таким образом мы, вероятно, подошли вплотную к цели всей нашей работы. К созданию «DL-4». Осознайте это, мы стоим у порога. Буквально со дня на день может начаться такое, что... – Тарасенко многозначительно качнул головой. – Впрочем, не будем говорить «Гоп!», пока не пе-

репрыгнем. С днём рождения, Полина! Счастья тебе! Ура! – он поднял рюмку. Остальные тоже подняли и стали чокаяться. Тимур присоединился к ним со своей водой.

– День рождения... а ты тратишь его на лабораторных мышей, – пробормотал волосатый.

– Будь моя воля, я бы выписал тебе двухнедельный отпуск прямо сейчас – снова заговорил Тарасенко. – Но ты же знаешь, что я не могу этого сделать собственноручно. Тем более в преддверии такого открытия. А вот финансовое поощрение – это пожалуйста, это ко мне.

– И ко всем нам, – снова влез волосатый.

Тарасенко достал из кармана конверт и протянул его Полине.

– Пусть этот год станет для тебя особенным! – он поднял рюмку. – И, как говорил один мой старый приятель, за нас с вами и за хрен с ними! Будь здорова! За тебя!

– Судя по тому, как часто Вы цитируете этого своего приятеля, он очень любил крылатые фразы – вновь не удержался этот с длинным языком. Почему ему никто не одёргивает?

– Да... любил, – наконец ответил Тарасенко.

– Вы просто обязаны нас с ним познакомить.

– А вот с этим некоторая сложность, – лицо Тарасенко поменялось, в глазах появился холодный блеск. Тимур готов был поклясться, что это и есть его настоящее лицо. Холодная жесткость за маской простодушия.

Они присидели так около часа. Понаблюдав немного, Тимур составил для себя примерные характеристики всех собравшихся.

Тарасенко, несомненно, вожак. Когда он брал слово, все замолкали. Говорил не громко, но окружающие прекрасно его слышали.

Братья оказались молчунами. Отвечали коротко, по делу. От них веяло спокойствием и какой-то надёжностью.

На фоне остальных ярко выделялся тот волосатый болтун, его почему-то звали Химиком. Большая голова, торчащие во все стороны волосы и непропорционально маленькие плечи. Дурацкие шутки. Но все терпели его. Видимо, было за что. Не смотря на кажущийся образ шута, глаза у него были серьёзные.

Особо не участвовал в разговоре Стас. По-видимому, единственный спортсмен из присутствующих. И, кажется, он претендовал на сердце Полины.

Полина, хоть и девушка, но бойкая. Она смотрела с вызовом, говорила быстро и твёрдо. Похожа на Аню. И, одновременно, абсолютно иная.

Аня... Тимур налил стакан и осушил в три глотка. Заметил на себе взгляд Полины. Кажется, он ей не особо приятен. Ну и плевать.

*

От всего этого шума голова разболелась ещё сильнее. Ти-

мур вышел на крыльцо. Попытался закурить, но зажигалка бросила вспышку и потухла.

– Твою ж мать...

– Что, плохо? – прозвучал голос сбоку. Из темноты к нему вышел Химик. Он чиркнул спичкой и поднёс огонь к лицу Тимура. – Пошли, дам лекарство.

Химик оказался выше Тимура почти на голову. При этом, не будучи атлетически сложенным, он напоминал пальму. Также склонял шею под весом большой головы. Его левый глаз косил в сторону, но за очками это оставалось практически не заметно.

Они поднялись на второй этаж общаги и свернули налево. Комната Химика оказалась в самом конце коридора. На двери висел большой постер с изображением Барта Симпсона, показывающего миру свою задницу.

Дверь оказалась не запертой. Химик подтолкнул её ногой и жестом предложил Тимуру войти.

– Велкам! Разуваться не надо.

От его непринуждённости Тимуру стало как-то легче. Он кивнул и вошёл внутрь.

В комнате играла музыка, в полумраке разбросаны вещи, и какой-то запах... Тимур принюхался и понял, что это за аромат.

– М-м-м, у нас два по всем наукам, но ботанику мы знаем на пять¹? Пахнет десятичкой общего режима...

– Восемь, если с УДО – ответил Химик и захлопнул дверь.

Логово Химика напоминало лабораторию. Несколько столов вдоль стены, на них колбы, стекляшки, трубки. Здесь же электрическая печка, какие-то склянки в раковине. Прямо посреди комнаты два шкафа. Один с книгами, второй с одеждой и посудой. Шкафы выполняли роль перегородки. На столе компьютер с двумя мониторами. Окна завешаны толстыми шторами, сцепленными между собой прищепками. Между всем этим бархлам втиснулся узенький диван.

Химик достал из холодильника кастрюльку с селёдкой в луковых кольцах и водку, поставил на стол.

– Ах, какая, братцы, мука.

И какая, бл**ь, ху**я!

Я селёдку ем без лука.

Лука нету у меня! ²

*

Тарасенко закрыл дверь кабинета на ключ. Опустил жалюзи на окнах, включил музыку (*заиграла «Goodbye Horses» Q Lazzarus*), поставил на стол бутылку портвейна двадцатилетней давности (найти её было весьма непросто, но для такого случая ничто другое не подойдёт) и три стакана.

Итак, шахматы на месте, портвейн на месте, штопор, три бокала... Все готово? Нет! Самое главное! Гости! Он достал из чемодана предмет, обёрнутый в шёлковый платок. Аккуратно развернул его и поставил на стол.

Старая черно-белая фотография в деревянной рамке. На ней мужчина и женщина. Тарасенко обходился с этой фотографией с особой осторожностью, как обходятся с вещами очень близких людей. Вытер пыль и аккуратно поставил её на стол. Затем открыл портвейн и разлил по стаканам. Один поставил перед собой, а два других справа и слева от фотографии. Вот теперь всё готово.

Шахматная доска – поле, имеющее строгие границы. Вот, что ему было нужно. Строго ограниченное пространство и конкретное число фигур. Тарасенко поднял бокал, занёс его перед фотографией.

– Ну что ж, друзья... начнём!

*

– Понимаешь, жизнь, она разная, – через час язык Химика начал слегка заплетаться, его взгляд периодически терял фокус. – Вот, к примеру, у тебя было несколько... нет, не будем на личности. Возьмём человека, какого угодно, любого! Было у него несколько счастливых лет, студенческие годы. Было ощущение какого-то *потока*, который так или иначе должен вынести его к чему-то лучшему. К какой-то новой жизни. Потом началось работа. На этом этапе он постепенно превращается в белку, гонящуюся за баблом – день за днём, год за годом. Пока какая-нибудь болячка не свалит его на больничную койку.

И вот, лежит он, бедолага, в палате, подключённый про-

водами ко всяким коробкам. Смотрит в окно и понимает, что вся его жизнь превратилась в какой-то нескончаемый комок проблем. А по-настоящему счастлив он был лишь несколько раз, в какие-то особенные моменты. Может, пару-тройку раз за всю жизнь. И вот то ощущение *потока* посещало его всё реже и реже...

Более того, молодость ушла. И лучше уже явно не станет. Впереди ещё сколько-то лет такой же мозготряски, пока болячки окончательно не свалят его в постель, а потом – смерть. Вот так. И ничего он с этим не сделает.

– Ты, конечно, несколько сгущаешь краски – попытался ответить Тимур. Но Химик уже начал свою проповедь и остановить его было не так легко. Он просто не заметил, что Тимур что-то там говорил.

– ...всё, чего хотел наш персонаж – это просто быть счастливым. Не надо излишеств. Достаточно просто снова оказаться там, где ему двадцать, где всё ещё впереди и всё – возможно. И от этого ощущения, что вся жизнь впереди, и она обязательно будет какой-то особенной, распирает грудь душевной летней ночью. Знакомо?

– Возможно...

– Но фокус в том, что мир на самом деле практически не поменялся за годы, которые он потерял. И те, кому сейчас двадцать, испытывают точно такие же чувства жаркими летними ночами. Мир не поменялся. Поменялся ты. Ты поста-

рел. И именно тебе больше не удаётся дуреть так же, как в двадцать. Всё дело в твоём субъективном ощущении реальности. Всё, что у тебя есть оттуда, из молодости – это твои воспоминания, твоя память. А таблетки памяти погружают тебя в те места твоего прошлого, которые ты сам выберешь.

– Таблетки памяти?

– Да. – сказал Химик и с гордостью поставил на стол перед Тимуром белый тюбик без этикетки.

– Что это?

– Моя разработка. Чистейший продукт.

– А что с названием?

– Что с названием?

– Ты не мог придумать что-то поинтересней, чем «таблетки памяти»?

– Ещё успею. Так вот. Твоя задача лишь сконцентрироваться на конкретном воспоминании, выпить таблетку, и через какое-то время ты оказываешься там. И проживаешь своё воспоминание во всех деталях, во всех подробностях. Настолько подробно, насколько это только возможно.

– Да ты что... Для этого обязательно пить таблетки?

– Твоя память – это часть тебя. Но даже её ты не можешь контролировать в полной мере. Попробуй вспомнить что-то важное. Что ты увидишь? Какие-то урывки, фрагменты. Как кадры фотосъёмки. Я же предлагаю погрузиться в воспоминание полностью. Как в просмотр кинофильма. От начала и до конца. Не только увидеть картинку, но и услышать звуки,

голоса. Почувствовать запахи и ощущения, которые ты испытал тогда. Мозг сохраняет всю картину происходящего. И эти таблеточки помогают достать из него самые сочные куски.

– Почему твой препарат не запущен в широкое производство?

– Ты забыл, на кого мы работаем. Им не нужны контролируемые воспоминания. Всё, что нужно достанет гипнолог. Клещами вырвет. Нет! Их интересует другое.

Химик замолчал и посмотрел в окно.

– Ладно, короче, схема такая. Выпиваешь таблетку и – концентрируешься на каком-то конкретном воспоминании. Одно воспоминание, одна ситуация. Что-то простое.

– Сколько это длится? Я имею в виду эффект.

– Несколько часов.

– Это похоже на гипноз?

– Скорее на транс или медитацию. Ты пребываешь в состоянии, позволяющем всё ощущать, всё слышать и испытывать вновь. И при этом не спать. Как думка.

– Трава?

– Угу...

– Почему тогда не выкурить просто травы?

– Обижаешь! Тут же собаки. А 228 УК³ никто не отменял. К тому же, от таблеток нет дыма, а состав – натуральное производство, всё своё.

*

Тимур подошел к двери своего номера и понял, что не хочет её открывать. Он спустился на первый этаж и вышел на улицу.

Ветер разогнал тучи, и теперь в небе светила растущая луна. Лёгкие облака отражали серебристый свет.

Он спустился по ступеням, сел на лавочку, а потом и лёг на спину. Из такого положения казалось, что не облака плывут над землёй, а она сама крутится, как брошенный шар. Сейчас сила притяжения перестанет действовать, и Тимур свалился туда – в бездонную темноту, к звёздам.

– Не спится?

Он поднял голову. Мимо шла та девушка, которую они сегодня поздравляли в столовой. Полина, кажется...

– Ага. *Ночь в июле полна соблазнов*⁴, – он подтянул ноги и сел. – Присаживайтесь.

– Спасибо, я к себе. Завтра много работы.

Мягкая подошва кроссовок делала её шаги очень тихими. Спина при этом оставалась прямой, ноги твёрдо вбивали каждый шаг. Поднялась по ступенькам и исчезла за дверью подъезда.

Тимур достал сигарету и собрался лечь обратно. В этот момент из темноты материализовался Стас. Хмурый, как грозовая туча. Проходя мимо, он бросил на Тимура короткий холодный взгляд, чёрный от злости. Только красных, мерцающих в темноте зрачков не хватало. Он взлетел на

крыльцо и хлопнул дверью так, что откосы затрещали.

– Не дала... – пробормотал Тимур и полез в карман за спичками. Но вместо них достал тюбик с таблетками от Химики. – О! Привет... – Тимур высыпал таблетки на ладонь. – Ну что ж, поехали! – Он ухнул три таблетки разом, достал флягу, отпил и только после этого закурил.

Лёгкое покалывание в затылке. Напоминает снятие зажимов. Звуки вокруг отдаляются, как-то расслаиваются, разделяются. Как пирог, на куски. В промежутках образуются зазоры, паузы. Сознание при этом остаётся светлым и фиксирует происходящее. По крайней мере, Тимур так кажется.

Он думает об Ане. Не то, чтобы как-то специально заставляет себя думать о ней. Нет, его мозг и сам частенько возвращается в те минуты, когда они общались. Чем бы он ни занимался, мысли о ней всегда кружатся где-то на втором плане. Это время оказалось самым ценным, самым важным и единственно настоящим в его жизни.

Воспоминания открылись широко и ясно. Со всеми подробностями, даже такими, о которых Тимур давно забыл. А главное – память неожиданно начала поддаваться ему. Такого не было никогда. Тимур концентрировался на какой-то конкретной ситуации, и память послушно увеличивала изображение, делая детали более подробными и приближенными, более точными и ясными. А ему оставалось только смотреть это кино...

И лишь одна мысль маячила где-то на периферии: а сможет ли он также ясно вспомнить всё это завтра, когда действие препарата закончится?

*

Новогодние праздники, никто никуда не спешит. Красота! А тут ещё и небо сподобилось – с самого утра посыпало улицы белыми хлопьями. Так что к вечеру, когда назначили встречу, город превратится в сказку.

Компания ожидалась из шести-семи человек. Рождественский вечер. Гадания, игры, песни под гитару.

Тимур вызвался приготовить глинтвейн. Он волновался. С самого утра не находил себе места. Зачем-то помыл машину. Снег пошёл как раз в тот момент, когда он натирал окна тряпкой. Но Тимур так ждал встречи с Аней, что не расстроился. Сел за руль и поехал в магазин.

Глинтвейн, как и шашлык – это блюда, которые должен готовить мужчина. Так считал Тимур. Возможно потому, что он умел готовить только глинтвейн и шашлык. И ещё салат к мясу. Да, глинтвейн, шашлык и салат. Но салат, так уж и быть, можно доверить женщине.

Тимур купил красное вино, мандарины, яблоки, специи... Но до встречи всё равно оставалось ещё несколько часов. Он долго сидел в машине и смотрел на падающий снег. В Рождество все немного волхвы... ⁵

С тех пор, как они познакомились с Аней, Тимур почему-то всё чаще слышал стихи у себя в голове. Не то, чтобы он их специально учил. Нет, они всплывали как-то сами собой. Стихи, строчки из песен. Когда ему было грустно, весело, когда он скучал по Ане или хотел ей что-то сказать... Оказывается, все слова уже были кем-то придуманы, написаны и спеты.

До знакомства с Аней Тимур не обращал на это внимание. Как-то не задумывался. А тут – раз! и всё вокруг расцвело поэзией!

Вечеринка шла шумно, как обычно. Чем больше людей набивалось в дом, тем громче становилось.

Когда Тимур уединился на кухне за приготовлением глинтвейна, Аня неслышно подошла сзади. Он помешивал дольки фруктов, и над кухней разлетался аромат винограда, корицы и гвоздики.

– Что делаешь? – весь вечер она держала с ним дистанцию, такую же, как и со всеми. А сейчас, оказавшись наедине, подошла чуть ближе. Коснулась его плеча и перегнулась над кастрюлей, где уже согревалось вино.

– Хочешь попробовать? – спросил Тимур.

– Давай.

Он зачерпнул ложкой немного и протянул Ане.

– Та-а-ак, не обожгись...

Она придержала волосы рукой и сделала глоток.

– М-м-м, как вкусно! Мне первый бокал!

– Конечно, – улыбнулся Тимур.

Весь вечер они гадали, играли, пили и веселились. А потом как-то так получилось, что Тимур с Аней снова оказались вдвоём на кухне. Сидели за столом, смотрели на огонь свечей и разговаривали.

Глинтвейн допили, но осталось самое вкусное – дольки яблок и мандаринов, пропитанные вином. Тимур разложил их в кружки и дал одну Ане.

Ему нравилось её слушать. И она, кажется, с удовольствием рассказывала ему об этом и о том. А за окном светились фонари, и снова шёл снег.

*

Когда зазвенел будильник, Тимур долго не мог встать с постели. Смотрел в потолок и прислушивался к своим ощущениям. Вчера ночью он действительно видел всё в мельчайших подробностях. Слышал голос Ани, видел её глаза, он был там, рядом с ней, в одном из самых счастливых вечеров. Но после этих эмоций сегодняшнее утро казалось черно-серым.

Он долго стоял под горячим душем, пытаясь собрать себя в кучу. Пропустил завтрак. И вышел на службу с большим опозданием.

– Ну как? – спросил Химик, помешивая сахар в чашке с кофе.

– У тебя есть ещё таблетки? – проговорил Тимур.

– Ещё? Там же было три. Ты что, все выпил? – в глазах Химика мелькнуло неподдельное удивление.

Тимур молча кивнул. Он и сам понимал, что переборщил. Но что уж теперь.

– Там и одной достаточно, чтобы на несколько часов улечься. Ладно, вечером поговорим.

Тимур хотел отсидеться где-нибудь, спрятаться, затаиться. Но, увы, Тарасенко подозвал его к себе.

– Прикрепляю Вас к Полине. Будете работать под её началом. Она барышня хоть и молодая, но суровая, расслабляться не даст.

Тимур надел халат, маску и прошёл по стеклянному коридору из административного корпуса в лабораторный. Внешне обшарпанное здание, внутри оказалось неплохо обустроенным. Тяжёлая металлическая дверь открылась с едва заметным свистящим звуком. В глаза ударил яркий свет, отражённый от белых стен.

Он увидел металлические шкафы и стеллажи вдоль стен. Колбы, свёртки, мешки, коробки. В центре большого помещения у стеклянных тумб, напоминающих большие аквариумы, стояли люди.

– Ну и что мне с ним делать? – говорила Полина. – Как будто у меня своей работы мало. Теперь ещё и с практикантом возиться.

Она говорила, повернувшись к братьям и не заметила, как Тимур вошёл в кабинет.

– Если Вы обо мне, то можете не переживать. – сказал он. – С ближайшим автобусом я уеду домой. Не стоит беспокоиться.

Девушка развернулась. Она, конечно, не ожидала, что за спиной окажется именно Тимур. По щекам пробежала красная рябь.

– Нет уж. Раз пришли – вникайте. – сказала Полина.

Тимур не чувствовал в её словах злобы. Никаких лишних эмоций. Просто рабочий тон, ни больше, ни меньше.

Всё утро сотрудники крутились вокруг того препарата, что дал положительный результат. Делали какие-то замеры, перепроверки. На уровне расчётов всё сходилось, поэтому ближе к полудню решили начать испытания.

– Ну что, друзья, время пришло! – сказал Тарасенко и взял в руки камеру. – За видеосъёмку буду отвечать лично! Мы должны запечатлеть этот момент. Сегодня начинается история.

Братья поставили на центральный стол клетку с мышью. Полина достала из холодильника шприц с препаратом. Стас стоял в стороне с грозным видом. Он демонстративно не

принимал участия в подготовке к инъекции.

Тарасенко плавал между ними, как акула, с неизменной улыбкой на лице. Но Тимуру показалось, что он снимает не столько эксперимент над мышью, сколько присутствующих коллег.

– Владимир Викторович, можем начинать?

– Да-да! Конечно!

Один из братьев достал мышь, и Полина уколола её.

*

– Это что там? – Тимур с Химиком стоял в курилке у окна. Вдалеке среди деревьев виднелась крыша какого-то здания.

– Старый корпус. Хранилище.

– Действующее?

– Нет. Видишь, следы пожара. – Химик показал на чёрные пятна на стенах. – А вот там, где трубы из земли торчат бомбоубежище и насосная станция.

– А что за пожар?

– В конце 80-х там работал НИИ. Так же, как и мы. Потом пожар. Погибли люди. Работу приостановили. Пока проверка, туда-сюда... Союз рухнул, проект свернули, на объект люди так и не вернулись. Так и оставили. Когда мы приехали три года назад, здесь всё было разворовано. Местные. Охраны лет пятнадцать не было.

– Ну, ясно... Слушай, по поводу таблеток. Ты можешь дать мне ещё?

– Ты их выпил одновременно?

– Не помню. Но, скорее всего, да.

– Ну-ка! – Химик подошёл ближе и внимательно всмотрелся в глаза Тимура. – Ты свои зрачки в зеркало видел?

– Мне нормально.

– Что было?

– Всё как ты говорил. Я оказался там. Голоса, звуки, всё вокруг... очень подробно.

– Угу.

– Дай мне ещё.

– Понимаешь, я не хочу, чтоб на утро у нас нашли тело с передозом.

– Мне надо.

– Хрен с тобой. – Химик достал из кармана тюбик без этикетки. – Здесь семь штук. Вот тебе две. Больше не дам.

– Спасибо.

– Спасибо не булькает.

– Я понял... Один вопрос. Можно управлять воспоминанием? Как-то изменять его?

– Не советую. Если начнёшь это делать, тебя может выбросить в другое воспоминание.

– Это как?

– Память записала конкретное событие, конкретную ситуацию. Если ты попытаешься изменить её, мозг это не поймёт и просто поменяет картинку. Поэтому лучше наблюдать за происходящим, как в кинотеатре, не вмешиваясь. Прошлое

изменить нельзя. Не стоит играть в игры с мозгом, можешь проиграть. И, главное, никакой алкашки! Себя не жалко, так хоть продукт не переводит.

– А что будет?

– Узнаешь, что такое настоящие американские горки.

– Как же мне отказаться от столь заманчивого предложения...

Вечером Тимур вернулся в свой номер, закрыл дверь на замок и первым делом хорошенько отпил из фляги. Затем сел на диван, закурил сигарету, уставился на стену перед собой. И, когда мысль перестала метаться из стороны в сторону, выпил таблетки.

*

– *Так что с желанием? Придумал? – написала Аня. Она проспорила Тимурю желание. Неважно как, но она проспорила. Чего же ты хочешь, Тимур? Чего ты хочешь?..*

– *Подари мне один день, – ответил он.*

– *В каком смысле?*

– *Один день. Часов десять твоего времени.*

– *И что мы будем делать?*

– *Это сюрприз.*

– *Ну, скажиши.*

– *Чтобы узнать, тебе придётся согласиться. В эту субботу ты занята?*

– Нет.

– Ну, вот и славно. Я заеду за тобой в одиннадцать. Форма одежды парадная.

– ...и что это будет?

– Тебе придётся дожидаться субботы.

– Мы куда-то поедем? Ну, скажи!

– Это сюрприз. Дождись.

Тимур ещё долго не мог уснуть. Перечитывал переписку и улыбался. Продумывал детали субботней встречи.

Машина старенькая, почти такого же возраста, как и он сам. Частенько ломалась, то одно, то другое. Но Тимур любил её. Промовилил дно, перебрал все патрубки. Возил в багажнике полный ремкомплект, масло, тосол, отвертки.

В это утро он всё проверил, всё долил, заправил полный бак бензина. Чтобы ничто не испортило им прогулку. Купил в дорогу сока, всяких вкусняшек и подъехал к Ане.

– Алло? – с утра у неё был сонный голос.

– Доброе утро!

– Привет!

– Я под домом.

– Уже?

– Да.

– Ух... Пять минут, хорошо?

– Конечно! Я пока схожу в магазин. Ты чего-нибудь хочешь?

– Ну, может, воды.

– Да, воду беру. Что-то ещё?

– Нет, ничего.

Итак, дорогой друг – сказал себе Тимур. Пока ждал Аню в машине. Сегодня у тебя особенный день. Таких дней в твоей жизни может быть совсем немного. По крайней мере, раньше их было раз-два и обчёлся. Поэтому постарайся провести его по-особенному. Постарайся запомнить его. И не испортить из-за какой-нибудь глупости.

– Привет! – Аня села в машину. Салон наполнился лёгким ароматом её духов.

– Привет!

– Ну, что? – она, как и Тимур, была в приподнятом настроении.

– Вода, вкусняшки в бардачке. Поехали.

– А куда? Куда?

– Ты всё увидишь. Секрет.

– Ну, хорошо.

Движение в субботу с утра не такое напряжённое, как в рабочие дни. Тимур переулками объехал все пробки и направился к выезду из города.

– Ты везёшь меня в лес?

– Да! Как ты угадала?

– Ну, скажи, куда мы едем?

- Секрет.
- Секрет?
- Сюрприз.
- Так секрет или сюрприз?
- Ну... И то и другое!
- Ну скажи-и-и!
- Сюр-при-и-из!
- Ну-у-у! Вот ты!..

Ехали около часа. Мимо подсолнуховых полей, мимо заправок и деревушек. Всю дорогу болтали под тихий аккомпанемент радиоприёмника.

Наконец, за очередным холмом Тимур увидел знакомый силуэт. Изгиб залива и небольшой городок на берегу. Красивая набережная, парк, старинные здания, театр. Тимур любил этот городок и хотел поделиться им с Аней.

Припарковались в центре у парка и спустились на набережную. Неожиданно начался дождь, пришлось укрыться в кафе. Сидели за красивым миниатюрным столиком. Аня заказала зелёный чай, Тимур капучино. Капли ползли по стеклу, поднялся ветер. А здесь тепло. И скоро им принесут обед.

А потом, в тёмном зале кинотеатра он вдыхал аромат её духов и никак не мог сконцентрироваться на том, что происходило на экране. Аня сидела так близко, какое уж тут кино.

Ближе к вечеру дождь утих. Над заливом стелился туман. Большое белое облако приближалось к берегу. Они шли по набережной. Тимур вряд ли смог бы повторить, о чём они с Аней разговаривали. Слишком стремительным был их диалог. Сперва об одном, потом о другом, перескакивали с темы на тему. Чужой город, где их абсолютно никто не знал, и эта суббота, и набережная, мощёная брусчаткой, принадлежали только им.

А потом они ехали домой. За окном проплывали жёлтые огни фонарей, моргали светофоры.

Последний перекрёсток. Аня спит на пассажирском. Пока горит красный свет, Тимур смотрит на неё и думает. Поехать направо к ней домой или налево – к нему? Сегодня суббота. Завтра рано вставать не надо, спешить никуда не надо. Это было бы прекрасное утро...

Аня открыла глаза.

– Приехали?

– Да. Почти.

Загорелся зелёный, Тимур повернул направо.

Он не хотел оскорбить её. Но и сидеть вот так, ничего не делая, тоже не мог. Когда подъехали к дому, Тимур заглушил мотор, повернулся к ней и... наткнулся на какой-то ступор внутри.

«Поехали ко мне?» – звучало в его голове. Но произнести эти слова оказалось не так просто. В итоге он молча смотрел на неё, как мальчик, который никак не решится прыг-

нуть с моста в реку. Все могут, а он – нет.

– Спасибо! – сказала Аня. Придвинулась к нему, чмокнула в щёку и упорхнула.

Тимур смотрел, как она подошла к подъезду, открыла дверь. Ещё раз обернулась, махнула ему рукой и исчезла в отблеске света.

Ехать домой? От этой мысли стало холодно. Тимур дождался, когда загорится свет в её квартире на четвертом. Ехать домой? Но где твой дом? Тимур посмотрел в ночное небо – на луну, обрамлённую седьм пухом. Может подняться к Ане? Или сперва написать?

*Он уехал в тот вечер. Ни подняться к Ане, ни даже написать ей не решился. Всю дорогу он думал... Надо было *найти* предлог. Надо было *позвонить* ей. Надо было *напроситься* на чай.*

*Что если бы он поступил тогда **иначе**? Эта мысль снова маячила перед глазами, причиняя дискомфорт А, ведь, с того дня прошло уже полгода... Что, если бы он решился?! Вот, он глушит мотор, выходит из машины, закрывает дверь и идёт к Аниному дому. Воздух к вечеру прохладный, колючий. Отсюда и такие яркие звёзды на небе. Уже у двери подъезда Тимур оборачивается, чтобы ещё раз взглянуть на луну и видит...*

...задний двор, огороженный серым бетонным забором.

Снег медленно падает на пустырь. День, но сквозь туман не видно солнца. Здесь, на самом краю территории тихо. Только старики иногда палят курильщичков.

Старшие говорят, что нужно учиться. Устраивают вступительные экзамены. А потом набирают за деньги всякий сброд. Тех, кого выперли отовсюду. Тех, за кого заплатили мамыши в надежде, что их отбитого отпрыска воспитают в мужском коллективе.

И таких много. Их приводили ещё и ещё. А дальше крутитесь, как хотите. В итоге климат внутри коллектива, дисциплина, успеваемость – все летело в трубу. Вот настоящее лицо старших, скрытое за алюминиевыми медальками.

Внимательные родители, почувствовав тухловатый запах, забирали своих детей. Тимур знал, что деваться некуда, его не заберут. К тому времени уже знал о решении Марьяны...

К кровати подошли. Ночь. В темноте не видно, но он отлично различил шорох и приглушённый смех. Сейчас будут крутить. Кого?

С Тимуром такого ни разу не делали. Но он видел... Они подходят к кровати со стороны ног. Обычно втроем-вчетвером, чтобы получилось сильнее. И резко вздёргивают кровать на попу. Так, чтобы спящий упал на пол вниз головой, вместе со всем своим барахлом. Простыни, матрац, одеяло – всё смешивается в одну кучу. Хорошо, если при падении не вернёшь шею.

Пока бедолага приходит в себя и понимает, что с ним произошло, эти трое уже разбегаются по своим койкам. Но дело даже не в смятых простынях. После этого ты не можешь спать спокойно. Просыпаешься от каждого шороха.

Так к кому же на этот раз? Он не успел додумать, как почувствовал, как ножки кровати приподнялись...

– А-А-А!!! СУКА! УЙДИ! – Тимур подскочил на ноги, махнул по воздуху кулаком, опять запнулся об тумбочку и упал посреди комнаты. Ночь в НИИ. За окном горят фонари.

Просидел на балконе, наверное, час. Курил и смотрел, как ветер гуляет в деревьях. Он понятия не имел, что всё оно вот так, близко. Столько лет прошло, а вот... ничего не ушло.

Что-то мелькнуло в лесу, какой-то отблеск. Что там? Кто-то есть? Или, нет, видимо, показалось.

*

Утром в лаборатории всё внимание было обращено на ту мышь. У неё брали повторные анализы, исследовали, перепроверяли.

До Тимура в этом дне сурка никому дела не было. Он никак не мог собрать себя в куче и тянул время от курилки к курилке. Лишь к обеду, после третьей кружки сладкого чая стало немного легче.

Но именно в обед всё поменялось. Мышь начала вести себя странно. Заметалась по клетке, стала дёргаться какими-то

рванными движениями. Потом замерла и через несколько секунд сохла.

– Что ей кололо?! – голос Стаса сделался металлическим.

– Всё согласно расписанию, – отвечали братья.

– Тогда почему такая реакция?

Казалось бы, ну что такого? Мыши дохли здесь пачками каждый день. Но этот был особенный.

Когда всё закончилось, Полина взяла со стола сигареты и вышла на лестницу. Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Вышла одна, никто не обратил на неё внимания – все столпились у стола с мышью.

Громче всех вёл себя Стас. Орал на ассистентов, которые, по его мнению, проморгали изменения в поведении животного. Пугал ответственностью за халатность, рапортами на имя Тарасенко и ещё неизвестно чем. Создавать панику на ровном месте ему, похоже, очень нравилось. Тимур встал со стула и вышел следом за Полиной.

Она стояла лицом к окну, скрестив руки на груди. Плечи подрагивали. Лучшее, что он мог сделать сейчас – подойти к ней, обнять и сказать что-нибудь мягкое. Но как? Они ведь едва знакомы. Впрочем, стоять на месте тоже нельзя, не для этого же он сюда пришёл. Тимур сделал шаг в её сторону, ещё один. Видимо, Полина почувствовала, что рядом кто-то есть. Обернулась, посмотрела на него.

– Я... эм... – он замешкал. Сделал ещё пол шага и остановился. Что ей сказать? Крепись? Держись? Мы с тобой?

От этого могло стать ещё хуже. Ты предлагаешь человеку остаться один на один с его проблемой, рассчитывать только на себя.

Дверь открылась, на площадку вышел Стас. Тимур закатил глаза – ну как без него?

– Поль?! – он подошёл к ней. Но она, услышав его голос, всхлипнула и сбежала вниз по лестнице. – Полина! – ещё раз крикнул Стас ей в спину. Но следом не пошёл.

Тимур не особо хотел наблюдать за этими играми влюблённых. Достал сигареты и закурил. А вот Стас, судя по всему, нуждался в выплеске эмоций. Он развернулся, посмотрел на Тимура

– А ты? Чё здесь?

В его голосе был вызов. Буквально бык с налитыми глазами. Желваки играют, кулаки сжались. Сейчас на линии его атаки Тимур. Но Стас не учёл одного – Тимур не собирался отступать. И он не боялся. Скорее наоборот, Тимур абсолютно не против хорошенько встряхнуться. Всё напряжение, весь негатив, который копился в нём в эти дни, требовали выплеска. А тут такая возможность! Бычара вот-вот закипит, воздух насыщен тестостероном. Бессмысленная и беспощадная схватка – что может быть лучше?

Он глубоко затянулся и прямо посмотрел Стасу в глаза. Говорить здесь бессмысленно. В уличной драке многое решает первый удар. А потом упорство. Стас выше Тимура на пол головы, крепко сложен, его руки длиннее. Но это и хо-

рошо. Чем хуже, тем лучше! Тимур не думал о победе. Он просто хотел драться.

– Ну?! – сказал Тимур, ожидая атаки.

Дверь снова открылась, на площадку вышел один из братьев.

– Полина здесь? – Никто ему не ответил. – Пошли! Тарасенко зовёт!

Стас перевёл взгляд на него. Тимур, стоявший спиной к брату, не сдвинулся с места

– Ну, так что? – спросил брат.

Стас отвёл глаза и пошёл за ним. Дверь закрылась, и Тимур остался один в тишине.

*

После ужина он сидел на лавке под деревом. Не хотелось идти в номер. Не хотелось снова оставаться наедине со своими мыслями. И уж точно не хотелось погружаться в глубины своей памяти.

Таблетки он сперва хотел выкинуть. Но потом решил вернуть их Химику, жалко переводить продукт. Как-нибудь при встрече. Только не сейчас. Сейчас ему не хотелось ни с кем общаться. Пятница всё ближе, но до неё ещё ждать и ждать.

Аллея вела вдоль корпусов к старым зданиям, в которых давно никто не работал. Дождь на какое-то время прекратился, в воздухе пахло озоном.

«Это старый корпус. Хранилище» – вспомнились слова

Химика.

Что ж, посмотрим, что там за хранилище. Тимур бросил окурок в урну и пошёл вдоль аллеи.

Небольшая камера наружного наблюдения повернулась по направлению его движения. Тарасенко снял очки и протёр глаза. Картинка на мониторе настолько хорошая, что он может разглядеть соринку на лацкане пиджака Тимура. Камеры развешаны по всей территории НИИ – и на улицах, и в помещениях. У Тарасенко есть доступ к каждой из них. Он может проследить за каждым работником. Не то, что тридцать лет назад...

В комнатке общежития невероятно душно. Сергей лежал на старом диване, чувствуя рёбрами каждую пружину. Читать надоело, он закрыл глаза и позволил мыслям скользить, куда хочется. А скользили его мысли в конкретном направлении. Мир заострился и сконцентрировался вокруг одной милой девушки с редким именем Вита.

Он закрыл глаза и увидел перед собой её лицо. Этот апрель пах не просто весной, а – новой жизнью. И эта новая жизнь происходила с ним прямо сейчас.

Сергей не мог, да и не хотел ничего формулировать. Он знал, что медово-горчичное опьянение продлится не вечно. Несколько месяцев, может, год. Эти дни особенные. Они окрашены радостью и стоят дороже многих лет пустоты и одиночества.

Вита уже перестала стесняться его. Сергей заметил, что она всё чаще выбирает общим посиделкам в компании – тихие встречи наедине с ним. Вот и сегодня они решили прогуляться вдвоём. Поэтому он ждал, когда жара спадёт. И уже начал придрёмывать, но в комнату вошёл Тарасенко.

– Да говорю тебе, ехать мне надо! – простонал Сергей, уже не зная, куда деться от назойливого однокурсника.

– Ну, слушай, с кем, если не с тобой? Комбинация – улёт!

– Ладно... Пятнадцать минут.

– Отлично! – Тарасенко положил на стол шахматную доску. – А куда едешь то?

– Да там... надо.

Они разложили фигуры, разыграли чёрных и белых.

– Ну, давай, показывай свою комбинацию – сказал Сергей, выстраивая чёрные фигуры на своей половине поля.

– Та-а-ак... – Тарасенко вывел пешку.

– Угу. Смело. А мы так. – ответил Сергей.

– Теперь сюда!

– Угу. А мы – сюда.

Через десять минут игры Тарасенко театрально взялся за голову и замер.

– Что такое? – спросил Сергей.

– Хм... – Тарасенко неуверенно переставил ладью, но руку не убрал. – Нет. Вот так. – он резко вернул ладью на место

и переставил офицера.

– Ну, хорошо... – Сергей вздохнул с облегчением и открыл своего короля. – А мы так. Ходи.

– Ты чего?

– Хорошая комбинация. Ты победил. Молодец! Давай-давай, ходи! Вита ждёт!

– Вита? – лицо Тарасенко поменялось.

– Да.

– Так она тебе ответила?

– Да.

– Поздравляю. А я думал, она письма не читает... И что вы?

– Идём в кино.

– В кино с Витой?

– Да. Ладно, давай ходи.

– Да беги-беги, чего ты! Сразу бы сказал.

– Всё нормально?

– Конечно! Рад за тебя. Потом доиграем.

– Да тут итак... Ты прав, неплохая комбинация. Ладно, давай. Побегал. – Сергей сорвал со шкафа куртку и рванул из комнаты.

Тарасенко остался один за столом, перед шахматной доской. Улыбка сошла с его лица, оно теперь казалось пепельно-серым. Он взял из пачки папиросу и закурил.

– Беги-беги, женишок...

Тарасенко открыл ящик стола, достал папку из пожелтевшего картона, развязал шнурок. В папке лежали бумаги, чертежи и общая тетрадь синего цвета. Простая тетрадь в клетку с таблицами, формулами, расчётами. На нижнем крае обложки тёмно-коричневые следы от огня.

Он небрежно пролистал страницы. Все эти расчёты Тарасенко видел уже сотни раз в течение последних двадцати лет. В конце концов, после бесконечных корректировок и перерасчётов, формула зашла в тупик. Оборвалась, как и жизнь автора.

Всё это – документы и расчёты Сергея. Да, конечно, он был талантлив. За скоростью его ума мало кому удавалось угнаться. Тарасенко же, напротив, терялся в незнакомой ситуации. Но обладал другими, не менее ценными качествами. Например, он прекрасно чувствовал людей и их слабые места. Безошибочно угадывал, куда нажимать, чтобы добиться своего. Он был цепкий, внимательный и расчётливый. И с помощью этих качеств мог переиграть кого угодно.

Возвращаясь к игре в шахматы, Сергея и Тарасенко можно было охарактеризовать так. Сергей – импровизатор, выдумщик и новатор. Он не боялся рисковать в поисках нового решения. А Тарасенко – ремесленник. Ему проще запомнить десяток отличных комбинаций, чем придумать что-то новое. Методичное использование старых, проверенных хитростей и ловушек рано или поздно приводило его к победе над менее усидчивыми соперниками.

И сейчас... Кто в итоге победил, умник? Тебя нет, а твои дети – вот они. Оба, на расстоянии вытянутой руки и, судя по всему, даже не знают, что они брат и сестра. Не догадываются, что для них приготовлено и сколько *дней* им осталось жить. Как тебе такая комбинация, дружочек?!

*

Дорога устелена бетонными плитами. Сквозь щели и трещины пробивается трава. Сухие кустарники цепляются за одежду костлявыми пальцами.

Обходя заросли, Тимур рассмотрел административное здание, подземный комплекс, хранилище для химических отходов и бомбоубежище. Местами из земли торчали проржавелые вентиляционные трубы. Тимура одновременно пугала и влекла эта старая заброшенность.

После пожара на стенах здания остались чёрные следы от копоти. На земле валялись такие же чёрные куски шифера и рубероида.

Он поднялся на крыльцо, толкнул входную дверь, но открыть не смог – заколочена. Окна первого этажа забиты деревянными досками. На втором окна открыты, но лезть туда не хотелось. Незнакомые здания могут таить скрытую угрозу в виде гвоздей, гнилых досок и осколков. Такие крепости лучше брать подготовленным. И уж точно не с голыми руками.

Тарасенко через монитор наблюдал, как Тимур побряцал навесным замком, потоптался на месте, посмотрел по сторонам.

– Ну, что ты? Просто так сдашься?

Тимур смотрел вдаль. Задний двор... Удивительно, насколько все подобные учреждения похожи своими задними дворами. Место, куда редко заходят люди, хаотично наваленный хлам и как-то жутковато. С другой стороны, в таких местах хоть немного можно побыть в тишине.

В интернате у Тимура было такое тихое место, тоже на заднем дворе. Когда другие дети шумно играли, Тимур предпочитал сидеть в стороне, не участвовал в общей толкотне. Как это могло повлиять на отношение остальных к нему? Одиночки в стае не выживают. Ты либо участвуешь в игре, либо играть будут против тебя. Если ты не часть *системы*, она сделает тебя изгоем.

На задний двор интерната мало кто ходил по делам. В основном курить. Иногда Тимур тоже предлагали, он не отказывался. Но чаще просто прогуливался вдоль забора.

Однажды в начале марта, когда зима только-только начала отступать, Тимур наблюдал за туманом, висящим над тающим снегом. Этот процесс не имел никакого отношения к тому, что происходило в стенах интерната. Законы природы стояли над всем этим бредом взаимоотношений подростков, оставшихся в замкнутом пространстве, как пауки в чёртовой

банке с собственным дерьмом.

Тимур ненавидел это время. Ненавидел себя за то, что не решался сбежать. Да, задний двор окружён лесом. Но забор не так уж и высок. Они часто ходили в самоволки. Часто прогуливали уроки на поляне неподалёку от забора. Но никто не решился бежать. Никто.

Он уже собрался уходить, когда заметил пролом в дальнем окне. Две доски покосились, образуя узкий проход в чёрный коридор этого здания.

– Хм... Добро пожаловать, сталкер! – сказал Тимур самому себе и полез внутрь.

*

В нос ударил застоявшийся запах сырости. Тимур пожалел, что не взял с собой фонарь. Пришлось дожидаться, пока глаза привыкнут к темноте. А потом шагать медленно, глядя себе под ноги, чтобы ненароком не наступить на гвозди или осколки.

Краска на стенах облупилась, всё разворочено, кабинеты нараспашку. Ящики раскрыты, повсюду валяются колбы, химикаты, банки с какими-то растворами. В полной тишине каждый шаг отражался тягучим эхом. Тимур прошёлся по первому этажу, обнаружил лестницу, поднялся на второй. То же самое. Ничего в рабочем состоянии не осталось.

Пожар начался в лаборатории, а она, кажется, располагалась в подвале. Он спустился по лестнице на нижний этаж.

Здесь не разворочено, здесь всё сожжено. Тимур подтолкнул ногой дверь лаборатории и вошёл внутрь.

В пустом коридоре наступила тишина, а потом что-то зашелестело. В одном из дверных проёмов появился человек в камуфляже.

Тимур осмотрел лабораторию. Здесь разбирать и воровать особо нечего. На стене план помещения на металлическом щите. На столах склянки с химикатами, весы, стенды с обгоревшими остатками ватманов. Всё чёрное, всё в копоти. Он прошёл было мимо. Но остановился, вернулся. На одном из ватманов большими буквами заголовков “ДЛ-2”.

– Да ладно... – пробормотал он растерянно.

*

– Откуда это у тебя? – спросила Полина. Она очень ожилилась, увидев документы.

– Из заброшенного корпуса. – ответил Тимур – Там в старой лаборатории такого добра навалом. Подумал, что тебя заинтересует.

– Да... Ты можешь отвести меня туда?

– Конечно. Только тебе придётся переодеться. И надо раздобыть фонарь.

*

После ужина Тимур привёл Полину в сгоревшую лабораторию. Она осмотрела предметы, лежащие на столах среди

гор пепла и пыли. И через несколько минут нашла в одном из ящичков журналы с расчётами, графики и общую тетрадь синего цвета.

– Да ладно... – проговорила она, переворачивая страницы. – Это же расчёты по проекту ДЛ-2. Как это всё сохранилось здесь? Столько лет...

– Бумажки, это же не металл. Ценности они не представляют, воровать никто и не брал.

– Это не просто бумажки. Это разработки того же самого средства, над которым мы работаем сейчас. Только эти расчёты были сделаны ещё до пожара.

Тимур радовался, что их прогулка сюда оказалась не напрасной. Полина долго изучала графики, просматривала документацию. А потом начала рассказывать. Вот здесь они двигались параллельно. А вот расчёты разошлись в стороны.

– Давай-ка возьмём всё это с собой. – сказала Полина – Надо хорошенько изучить записи... Только просьба, ты пока не рассказывай нашим о находке, хорошо?

– Да, конечно. Я помогу отнести. – Тимур сложил бумаги в свой рюкзак.

*

– Успокаивает? – спросила Полина, глядя на чётки в его руке. Они шли по бетонным плитам назад к спальному кор-

пугу НИИ.

– Да, это... В детстве вырезал... Из стула.

– Из стула?

– Ага, из спинки. Там были такие деревянные палочки. Я стул разобрал, палочки вытащил. И нарезал из них бочонки.

– Долго, наверное, вырезал?

– Долго. Месяца два-три. Осенью.

– Сколько тебе лет было?

– Тринадцать, кажется... Или около того.

– Необычное занятие для подростка.

– В интернате времени много. И лучше уметь находить себе занятие по душе. Тогда и время летит незаметнее и не так тоскливо.

– Прости, я поначалу тебя... как-то не разглядела.

– Все нормально. Кому приятно смотреть на вечно пьяное тело. То пьяное, то под таблетками.

– А я свой детский дом почти не помню. Родители забрали в три года. И много лет не говорили об этом. Но нашлись хорошие люди, рассказали...

– Хорошие люди, это да... Они могут. Однажды я упал с простыней – благодаря этим самым хорошим людям.

– Упал с простыней?

– Да.

– Это как?

– У вас в самоволку не ходили?

– Не знаю, я маленькая была.

– А, ну да. Так вот, ночью двери в спальный корпус закрывали. А спальни на втором и третьем этаже. Чтобы пойти в самоволку, нужно связать покрывала. У нас они были крепкие, не рвались. Получался длинный канат с узлами. Привязываешь один конец к ножке кровати, а другой бросаешь в окно. Ну и по покрывалам лезешь вниз.

– В окно?

– Ага.

– А обратно как?

– Так же по покрывалам. Только вверх.

– И куда вы ходили по ночам?

– По-разному. За сигаретами, выпивкой. Или за чипсами. Рядом стоял небольшой круглосуточный ларёк. Там можно было найти если не всё, то много чего.

– И ты тоже туда ходил?

– А чем я лучше остальных? Правда, чтобы ходить в ларёк, нужны деньги. У меня их никогда не было. Ну, почти никогда.

– Но ты все равно сбегал по ночам?

– Да. Гулял по городу. Смотрел на машины, на окна домов. Представлял, что у меня тоже есть семья, дом... – он осекся. Нахмурился. Посмотрел на Полину. Но не увидел в её глазах осуждения, продолжил. – В одну из ночей я слишком загулялся. Когда вернулся, все уже спали. Но канат висел. Я дёрнул – вроде все нормально, крепко...

– На какой этаж?

– Второй. Ну и полез. Когда я уже добрался до подоконника второго этажа, канат оборвался.

– Оборвался?

– Я не знаю, что именно произошло. Но тот узел, который был внутри спальни, вдруг развязался. Я упал на асфальт. Отключился и пролежал там до утра. Надо мной потом ещё долго смеялись: «отряд не заметил потери бойца»⁶. А вообще, я так и не понял, каким образом попал сюда, к вам. За какие заслуги?

– Тарасенко сказал, ты хорошо играешь в шахматы.

– Шахматы? И всё? Разве это основание брать на работу?

– Не знаю. Он нас особо в подробности не посвящал.

– Интересно...

– Ты действительно хорошо играешь?

– Ну, не знаю. Мне просто это нравится.

– А кто научил?

– В интернате. Мужичок один. Мы его называли Вахтёр. Он меня подкармливал, а я с ним играл.

Эй, ушастый! – говорит – в шахматы будешь?

Я соглашался. Просто, чтобы хоть как-то скоротать время. Потом втянулся. У Вахтёра был чайник. И всегда такой хороший вкусный чай с сахаром. Вечером после ужина, когда он был дежурный, сидели у него в каптёрке. Он заваривал чай, и я всегда выпивал по несколько кружек.

И ещё у него было печенье. Нам его тоже давали, но по три кусочка. А у Вахтёра на столе лежала пачка. Целая пачка

печенья. Мы играли в шахматы. Пили чай, ели печенье.

Вахтёр никогда не поддавался. Первое время я только и слышал: шах и мат! Шах и мат! А потом думаю – поле одно, фигуры одни, количество фигур одинаковое. Неужели я не смогу? Ну и взялся. Стал думать. Запоминал его ходы, приёмы. Иногда он повторялся. И я начал повторять за ним. И однажды выиграл. Не знаю, то ли устал Вахтёр, то ли повезло мне... Один раз выиграл. Потом второй, третий... Так и пошло.

Тимур заметил движение в темноте у забора.

– Эй! – окликнул он.

Фигура замерла. Потом рванулась в сторону. Мужчина в камуфляже. Тимур не то, чтобы хотел погнаться за ним, но сделал несколько шагов в его сторону. Мужчина пробежал вдоль забора, а потом исчез. Тимур только сейчас заметил, что в заборе есть дыра.

*

Стас подкараулил Тимура на лестнице, когда он уже проводил Полину. Снова материализовался из темноты, как призрак.

– Ну что, новенький, понравилось чужих баб гулять? – голос низкий, хриплый.

– Чего? – У Тимура было слишком хорошее настроение, чтобы конфликтовать. Но Стас быстро перешёл от слов к делу. Удар в нос. Тимур от неожиданности попятился назад.

– Сука... – пробормотал он, проверяя носовой хрящ. Тот вроде остался на месте, но сильно болел.

– Сука?! Кто сука?! – Стас, видимо, только этого и ждал. Подлетел к Тимуру, схватил за волосы и, осыпая ударами, попытался столкнуть его вниз по лестнице.

Тимур едва успел схватиться за перила, присел и рывком развернулся. Оставаясь под градом ударов Стаса, он махнул кулаком куда-то в сторону его лица. Сделал это не глядя, наугад. Кулак попал во что-то мягкое. Раздался чмокающий звук. Стас отступил на шаг и чуть ослабил хватку. Тимур воспользовался паузой, встал поудобней, сцепил левую руку на его предплечье, а правым кулаком стал бить – пока Стас не заскулил.

Чем сильнее он пытался вырваться, тем крепче Тимур сжимал пальцы. Чем отчаянней он закрывался руками, тем точнее Тимур бил.

*

Проснулся ночью от ощущения, что в комнате кто-то есть. За окном тусклый свет фонарей и всё как обычно. Что за бред? Тимур повернулся на другой бок и закрыл глаза. В нос ударил запах костра и сырой земли. Будто он не в гостинице, а в лесу на поляне.

Он развернулся, нажал на кнопку выключателя и вскрикнул от неожиданности – в кресле сидел человек. Сидел и смотрел на него. Тёмно-зелёный камуфляж, чёрная шапочка

на голове.

– Какого хрена?! – просипел Тимур. В голове закрутились мысли о том, кто это может быть. Домушник? Но это не его дом. В номере у Тимура из вещей – две тряпки, да рюкзак. Денег особо нет. Ценностей никаких. Тогда что за ночной визит? Может, это Стас направил мстителя за своё подретушированное лицо?

– Ты хотел со мной поговорить? Я пришёл. – спокойно ответил гость.

– Ты кто?! Когда я хотел с тобой поговорить?

– Успокойся, – сказал он. – У тебя вид, как у котёнка, которого застали за непотребством.

– Ты, может, номером ошибся?

– Вечером у старого корпуса.

– Что вечером у старого корпуса?

– Ты окликнул меня у забора.

– Я? А, так это был ты? Тьфу, блин. И... зачем ты пришёл сейчас?

– Мне уйти?

– Не знаю... – Тимур сел. – Что ты делал там, у забора?

– Следил.

– Следил? За кем?

– За тобой.

– Чего? Зачем ты следил за мной? Ты охранник?

– Нет.

– Тогда кто?

– Я следил за тобой потому, что ты сын своего отца. – Гость достал из кармана фото, протянул ему. Тимур увидел нескольких человек в белых халатах.

– И кто из них мой отец?

– Вот. А это – твой нынешний начальник.

Тимур ещё раз сфокусировался на фотографии. Сделать это оказалось непросто. Спросонья глаза никак не слушались. Да и пальцы ни с того ни с сего начали подрагивать. Но вот он разглядел в силуэте молодого мужчины нечто похожее. Посадка плеч, форма бровей действительно напоминали Тимуру его собственные полечи и брови. А рядом с ним действительно стоял Тарасенко. Конечно, моложе, да и волосы потемнее и погуще.

– Мой отец работал с ним?

– Да.

– А Вы кто? – спросил Тимур, но уже другим тоном.

– Я тоже работал в НИИ до пожара. – он указал на одного из людей в халатах. – Пошли! Мне не желательно показываться в лагере. И уж тем более, чтобы кто-то увидел, как я общаюсь с тобой.

– Почему?

– Узнаешь. Всеу своё время. Собирайся.

– Почему я должен Вам верить?

– Не должен. Можешь оставаться.

– Как Вас зовут то?

– Михал Юрич.

Он встал с кресла, направился к окну, но остановился у тумбочки. Пригляделся, поднял тетрадь. Ту самую, что они с Полиной нашли в сгоревшем корпусе. Взял её как что-то драгоценное. Аккуратно открыл, пролистал страницы.

– Знакома? – спросил Тимур.

– Да. Возьми с собой.

*

Голова вжата в плечи, как у крота. Михал Юрич оказался значительно ниже Тимура. Передвигаясь по территории НИИ, он выбирал тёмные участки, не освещённые фонарями. Не смотря на полноватую фигуру, двигался он очень проворно, так что Тимур с трудом поспевал следом.

Буквально за пару минут они оказались в старой части НИИ, а дальше он шмыгнул в уже знакомый Тимуру провал между бетонными плитами забора.

И начался лес. Прохладный ночной лес. Тимур пробежал несколько метров, получил веткой по лицу и понял, что не видит Михал Юрича. Встал на месте, стараясь расслышать его шаги. Тщетно. Абсолютная тишина вокруг. Только ветер шелестит в кронах деревьев.

Ну, прекрасно! – подумал Тимур. Что теперь? Нож в пень? Специально вытащил меня в лес, чтобы кончить потихому? Какой-нибудь местный маньяк?

– Чего встал? – голос слева и тут же кто-то сжал рукой его

запастье.

– Не вижу ни хрена.

Михал Юрич включил фонарь, прикрыл луч ладонью, оставляя только слабый отсвет между пальцами. Но и этого вполне хватило для того, чтобы следовать за ним.

Дорога петляла между деревьями. Тимур не мог понять, как Михал Юрич ориентируется. Вскоре под ногами возникло что-то твёрдое, асфальт или бетон. Да, усыпанная листвою и ветками старая бетонная дорога. Чуть изогнувшись, она повела в сторону и вниз под холм. В лицо повеяло прохладным воздухом. Сквозь редеющие деревья Тимур увидел серебристую дорожку луны на воде. Что это? Озеро? Река?

Здесь Михал Юрич замедлил шаг и уже открыто светил фонарём по сторонам.

– Ну что, прибыли – сказал он.

– Что это за место?

– Старое бомбоубежище. – с этими словами Михал Юрич посветил на холм и Тимур увидел металлическую дверь.

– А... так это не холм?

– Нет. Бомбоубежище с маскировкой под пейзаж.

– А почему не на территории НИИ?

– Там основной блок. Сюда ведёт тоннель на случай эвакуации золотых мозгов страны. Там зашли, отсюда вышли и на лодках вниз по реке. До ближайшего посёлка пять километров.

Тимур взгляделся и увидел небольшой мостик у реки и лодку в кустах.

– О как... – он остановился – Вы здесь живёте?

– Не совсем. Подержи-ка. – Михал Юрич передал Тимуру фонарь, затем навалился плечом на металлическую дверь, и она нехотя двинулась в сторону. – Ну, что, проходи.

*

Насколько можно было разглядеть в свете фонаря, бомбоубежище оказалось довольно просторным. По бетонному полу рассыпан мусор, осколки бутылок, шприцы. Вдалеке два тёмных пятна – металлические двери, покрытые густой ржавчиной.

– А куда именно этот тоннель ведёт?

– В сгоревший корпус. Там в подвале рядом с лабораторией аварийный выход.

– То есть мы прямо отсюда можем пройти туда?

– Да. И даже особо не запачкаться.

Судя по количеству углей в кострище, Михал Юрич проводил здесь далеко не первую ночь. У груды ящиков привалены пара рюкзаков, топор, бушлат, алюминиевый котелок и даже старый матрац.

Он повесил над огнём чайник и сел на один из деревянных ящиков.

– Садись. Сейчас согреемся.

Во время разговора Михал Юрич часто трогал себя за бороду, при этом его глаза время от времени поднимались вверх и описывали круги. Иногда он производил неясные движения руками, иногда улыбался каким-то своим мыслям.

Пока вода закипала, он достал из рюкзака жестяную баночку с чаем, отсыпал немного заварки в глиняный заварник. На столе, сооружённом из пары ящичков и доски стояли чашки. Михал Юрич смешал чай с какой-то травой и залил всё это кипятком.

– Что за травка?

– Чабрец, мята, ещё кое-что... Все для пользы.

Оказалось, этот человек не просто знал родителей Тимура, а несколько лет работал с ними в одной команде. Он достал из рюкзака и показал ещё несколько фотографий. Тимур долго смотрел на своих родителей – таких же молодых, как и он сам. Были на этих фото и Михал Юрич, и Тарасенко.

– Так Вы здесь живёте или проводите выходные? – спросил Тимур

– Я живу далеко отсюда. А здесь база. Пока не закончу дело.

– Дело?

– Об этом чуть позже.

– Хорошо, а как вы узнали, что я здесь?

– Есть у вас в лагере один человек. Химик. Частенько с

ним встречаемся в баре.

– В баре?

– Да, в посёлке. У нас тут один бар.

– А как он выходит с территории? Тут же охрана.

– А как мы с тобой вышли?

Михал Юрич разлил чай себе и Тимуру.

– Тетрадь не забыл?

– Да.

– Можно?

– Угу.

Тимур достал из рюкзака тетрадь и передал её Михал Юричу.

– Странно, как это она пролежала там столько лет... Не находишь?

– Не знаю... я об этом как-то не думал... – ответил Тимур.

Михал Юрич буквально погрузился в тетрадь. Перелистывал страницы, что-то бубнил себе под нос.

– Вот! Воот! Смотри! – он развернул тетрадь – что ты здесь видишь?

Тимур присмотрелся. Что он видит? Какие-то расчёты... несколько раз обведённые, а потом зачёркнутые.

– Это формула?

– Да. Формула DL-2. Та самая, над которой вы сейчас работаете. Только теперь вы работаете над проектом DL-4. Вот

она, готовая!

– А почему она перечёркнута?

– Твой отец специально это сделал.

– Для чего?

– Хм... Тут в двух словах не расскажешь. Когда я пришёл, твой отец был начальником, а Тарасенко его замом. Надо сказать, они очень разные люди. Сергей романтик, светлая голова, открытый, очень щедрый. Соображал быстро, как никто из нас. Подчинённые его любили, а это о чём-то да говорит. Любили, как руководителя, как лидера, который именно ведёт, а не понукает. А Тарасенко жадный тугодум. За рубль душу вывернет. Я не знаю, почему твой папа работал с ним и как они работали. Тарасенко ведь не понимал ни хрена. Людьями руководить – это да. Организатор он, наверное, хороший. И то, методом кнута, но без пряника. А вот в науке полный ноль.

Михал Юрич ещё раз показал Тимуру фото всей команды НИИ того времени.

– Вот видишь, я был тогда одним из младших. Но мы с твоими родителями как-то доверительно общались. Однажды вечером мы засиделись в кабинете твоего отца. Он достал тетрадь. Вот эту. И показал мне формулу. Тогда она ещё не была зачёркнута. Это решение всех задач, которыми занималось НИИ и в то время, и сейчас. Она – ключ к препарату, над которым все эти люди работают столько времени. Что ты видишь?

Тимур присмотрелся. Долгая цепочка расчётов вела к формуле. Сама формула обведена несколько раз, но – зачёркнута.

– Ну, всё правильно. Правильно, что зачёркнуто. Здесь ошибка. Формула неверная.

– Да-да... Теперь перелистываем на шесть страниц назад – подсказал Тимуру Михал Юрич – и смотрим внимательно. Очень внимательно.

Тимур перелистал тетрадь на шесть страниц назад. Прочитал каждую строчку. Один раз. Затем второй.

– Здесь вроде всё верно. Так, а почему тогда там такой результат? Это какая-то новая формула? Не пойму... И что за несчастный случай у вас там случился?

– Твоего отца часто вызывали наверх, к начальству. В последнее время – всё чаще. Каждый раз после этих вызовов он возвращался угрюмый. Тарасенко ездил с ним. Он тоже был напряжён, но как-то не так, по-другому... – Михал Юрич задумался, помрачнел. – После очередного визита они приехали сами не свои. Сергей несколько дней не появлялся в лаборатории.

– А Тарасенко?

– А Тарасенко как раз работал, активничал, распоряжался. Именно тогда в его голосе стали появляться эти начальственные нотки. Я решил навестить твоего отца. Пошёл к нему после работы. Я не знал, чего ждать. Увидеть его больным или пьяным... Хотя, нет, он особо не злоупотреблял.

Михал Юрич отпил чаю и замолчал. Смотрел перед собой и молчал. Тимур уже хотел спросить его – что дальше? Но Михал Юрич продолжил сам.

– То, что я увидел... Я ожидал чего угодно, только не этого. Сергей был абсолютно трезв и спокоен. Он пригласил меня на кухню и сказал, что они с твоей мамой, с тобой и Полиной собираются уезжать из НИИ.

Я спросил – а как же формула? Исследования? Они же почти открыли препарат. А дальше твой отец сказал так... Слушай внимательно. Он сказал: «А формула... Да я её уже... Ладно, не важно. Ты почему не ешь?» Понимаешь? Я увидел, что он мне чего-то не сказал. Я увидел по его глазам. Ну, а потом, на следующий день, произошло то, что произошло. Пожар во втором блоке. Погибли твои родители, лаборант Эмма и уборщица. Из присутствовавших выжил только Тарасенко.

Сперва пытались всё повесить на твоих родителей. Мол, они собирались увольняться и решили украсть образцы, а потом устроили поджог. Я, как мог, возражал. Да в эту историю никто и не верил. Потом вроде как выяснилось, что источником пожара стало возгорание. И все как-то быстро замяли. Тарасенко назначили главным вместо твоего отца. Но тут все эти события. Проверки, экспертизы. Говорили, что есть угроза обрушения здания, никого не пускали внутрь. А дальше нашей страны, Советского союза то бишь, не стало. Мы так и не вернулись в НИИ. Всех разбросало, кого куда.

– Почему случился пожар так и не выяснили?

– Я ж говорю, замяли. Но думаю, что к смерти твоих родителей имеет отношение Тарасенко. Причём – прямое. Слишком всё гладко потом пошло для него. Слишком острый между ними был конфликт перед всем этим. Дальше вас с Полиной по интернатам... Я попал в дурку... Точнее, это Тарасенко упёк меня в дурку. Помог, так сказать. Чтобы рот не раскрывал лишний раз.

– Нас с Полиной?

– Да. Она твоя сестра.

– Подожди. Полина – какая? Та, что работает здесь? С тёмными волосами?

– Да, она. В этом НИИ работает всего одна Полина, насколько я знаю. Вот смотри на фото, это ты, а это она.

– И она говорила, что тоже была в интернате... А почему мы не вместе? Почему я не знал о том, что у меня была сестра?

– Спроси у своего шефа. Не знаю, как с вами, но со мной он обошёлся очень ловко. До сих пор расхлёбываю. Знаешь, что самое тяжёлое в дурке? Время. Оно тянется бесконечно. Под препаратами всё смешивается, твой мозг работает как угодно только не как у нормального человека. И ты не знаешь, когда это закончится, когда тебя выпустят.

– Ну, хорошо, допустимом. Полина, я, детские дома, дурка... Но зачем Тарасенко всё это теперь? Зачем он собрал нас здесь?

– Не знаю. Не могу даже предполагать. Может, хотел отдать дань твоим родителям? Не думаю. Или посмеяться над памятью о них? Здесь что-то ещё... Что-то он замышляет. Вот ты как здесь оказался?

Тимур рассказал ему про шахматный матч, про странный разговор в туалете, а потом и про свидание, на которое так спешил...

– Да... Яснее не стало... Как её зовут-то? – спросил Михал Юрич.

– Кого?

– Ту девушку.

– Аня.

– Анна... – задумчиво проговорил Михал Юрич. – Красивое имя.

– Да.

– Плакал о ней?

Тимур удивился такому вопросу. Но, чёрт возьми, он прав.

– Да, было дело...

– Это хорошо.

Михал Юрич допил чай, налил ещё. Выпил. Закурил и замолчал – на этот раз уже очень надолго.

*

На рассвете Михал Юрич уснул. Тимур хотел бы тоже поспать, но не мог. Слишком много новой информации. Он вы-

шел из бункера и спустился к реке. Смотрел на воду, небо и слушал, как просыпаются птицы. Солнца ещё не видно, но на востоке уже светлело.

Так, что у нас получается? Предположим, что Михал Юрич говорит правду, и Тарасенко всё спланировал заранее. Допустим. Работа над DL-4, Тимур и Полина, отцовская тетрадь с расчётами, якобы пролежавшая в пустом здании двадцать лет... Эти «совпадения» и правда выглядят странно. Детали, которые даже не знали о существовании друг друга, ни с того ни с сего притягиваются и соединяются в одном и том же месте?

Напоминает шахматную многоходовку. Противник заранее располагает фигуры в соответствии со своим планом. Так, чтобы не оставить жертве выбора. Неторопливо подготовленная западня, заранее продуманные пути отступления, блокировка защиты. В итоге ты поступаешь ровно так, как нужно Великому Манипулятору.

Сами собой напрашиваются вопросы. Есть ли в этой схеме что-то, чего они не заметили? Какие ещё сюрпризы ждать? И, конечно, что будет дальше?

Тимур поднял воротник, запахнулся, спрятал руки в карманы. Ладно, это потом. Полина. Нужно рассказать ей обо всём, показать фото родителей.

*

Иногда детей забирали. Тимур тоже хотел, чтобы его

забрали, очень хотел. Называть её – мамой. Оказаться в семье, со своей отдельной кроватью, игрушками. Быть дома. Гулять. Быть дома. Быть дома.

Со временем желание не стало меньше, но годам к семи Тимур понял, что об этом лучше не думать. Так спокойней.

Он попал в детский дом ещё в младенчестве. Дважды переводили из одного заведения в другое. Воспоминания перемешивались – какие-то столовые, коридоры, шкафчики, шум, детские крики.

Однажды вечером, когда Тимур играл на кровати в чело-вечков, в комнату вошла женщина. Села рядом, что-то говорила. А потом забрала его с собой.

Женщину звали Марьяна. В её просторной квартире у Тимура появилась своя комната. Кровать, игрушки, стол. Он чувствовал в Марьяне большую силу и побаивался её. Поэтому старался вести себя хорошо. Только назвать мамой никак не решался...

Часто по вечерам она закрывалась на кухне. Придёт с работы, пьёт кофе и курит, пьёт кофе и курит. Потом подойдёт, сядет рядом с Тимуром.

– Математику сделал?

– Да...

– Ну, хорошо. Молодец. Сначала уроки, потом рисовать.

Марьяна говорила сухо, с хрипотцой. Как будто ветер гуляет по комнате. Но Тимур и это внимание казалось непривычно щедрым. Другого он не знал.

*

Так прошло года два. А потом появился Валера. Дядя Валера. Сначала изредка заходил в гости. Потом всё чаще. А однажды и вовсе остался на ночь. Одну, вторую, третью.

Он был другой. Внешне тихий, спокойный. Но рядом с ним Тимур чувствовал себя не уютно. Как-то тревожно. Иногда ловил на себе взгляды Валеры, боковым зрением, как-то исподтишка. Чувствовал, что от него исходит какая-то опасность.

И Марьяна изменилась. Она всё реже закрывалась на кухне, чаще уходила гулять с ним.

Однажды Валера принёс Тимуру машину с пультом управления. Большую чёрную машину. Из пульта торчал длинная металлическая антенна. Они достали машину из коробки, попытались включить. Но оказалось, что антенна не работает. Валера нажимал на кнопки, но машина не ехала. Тимур же хотел просто потрогать её.

– Ничего страшного! – сказал он и протянул руки – Мне и так хорошо.

– Что хорошо?! – Валера отдёргнул игрушку – Что хорошо тебе? Не работает! Видишь?! Не работает.

Тимур не удержался, заплакал. Валера разозлился ещё сильнее. Схватил пульт за антенну и громко шарахнул им об деревянную спинку кресла. Мальчик испугался и больше не произнёс ни слова.

Он очень хотел потрогать эту игрушку. Просто потрогать. Такая она была красивая, чёрная, лакированная. Да, хорошо, нужно починить пульт. Но ведь пока можно играть и так. Он же мальчик, а это – машина. Самая красивая машина, какую он видел! Взять её в руки, проехаться по диванам, по рисунку на ковре.

Но, увы. Тимур запомнил серую картонную коробку, в которую Валера всё сложил и – унёс. Больше он машину не видел.

*

В день рождения поехали на реку. Отдыхали, купались. Тимур строил из песка какие-то домики. Марьяна загорала, Валера читал книжку.

Накупавшись, Тимур завернулся в полотенце и сел на песок. Вдруг на плече сцепились холодные клещи. Его с силой дёрнуло вверх и в сторону. Тимур повалился на спину, обернулся. Это был Валера. Тимур не заметил, что сел на его книжку.

Валера поднял её из песка – измятую и испачканную, показал Марьяне.

Всю оставшуюся часть дня Валера был серый. Марьяна молчала. Они довольно быстро собрались и поехали домой. В магазин за мороженым заезжать не стали.

*

Через год Марьяна забеременела.

В один из вечеров Тимур сидел в своей комнате и играл в человечков. Он всегда это делал, когда не нужно было учить уроки. Роботы дрались друг с другом, как в кино. Двое в бою, остальные сидят по сторонам, ждут своего часа.

Он сидел на полу, привалившись грудью к дивану. В комнате родителей бубнил телевизор. Тимур играл и играл, пока не заметил, что стало тихо. Как-то странно тихо. Он посидел с минуту, прислушиваясь. Затем вышел в коридор. Они разговаривали. В голосе Марьяны слышалась тревожность, а в тоне Валеры – нажим. В последнее время он разговаривал с таким нажимом всё чаще.

Тимур на цыпочках подошёл ближе.

– Ты не понимаешь. Ему там будет лучше. Это не просто учебное заведение. Это – элитка. Конная подготовка, дополнительные предметы, трёхразовое питание, плюс вторые завтраки и полдники. Кормят на убой. А летом походы в горы.

– Но это интернат.

– Не интернат, а пансион.

– В договоре написано: школа-интернат.

– Да какая разница, что там написано! Ты сейчас не об этом должна думать.

Тимуру было девять. Он ещё не знал, что такое пансион. Но отлично помнил, что такое интернат.

– Какая разница? Он всю неделю будет проводить там.

– Он мужчина. И должен воспитываться соответственно, в мужском коллективе. А ты из него делаешь девчонку. Нет, если ты, конечно, хочешь, чтобы он рос тряпкой...

– Я не знаю... Я просто...

– Не делай из мухи слона. Поверь мне, ему так будет лучше. К тому же, скоро в нашей жизни прибавится забот.

Тимура привезли в школу-интернат за два дня до первого сентября и оставили там. Своя комната, диван и игрушки теперь были где-то далеко – за бетонным забором, деревьями и долгой дорогой. Теперь его домом стали большая спальня на двадцать пять коек, три очка в сортире с открытым нараспашку окном и восемь умывальников в ряд.

Уже на подъезде к этому месту Тимур всё понял. Это было точно такое же холодное серое заведение, как интернаты, в которых он жил до Марьяны. Он слишком хорошо помнил это ощущение. Территория, огороженная забором. Как и от всех казённых учреждений от него веет каким-то мертвецким холодом, безысходностью и тоской. А сверху чудовищным грибом возвышается чёрная воронка.

Сначала из окна машины Тимур увидел забор, затем почувствовал холод. Он успел подумать: только не сюда! Но Валера притормозил, свернул с основной дороги и припарковался именно у этого здания. Тимур подумал, надолго ли это? Оказалось – на семь лет. Ворота закрылись за его спиной до самого выпуска. И после этих семи лет Тимур вышел

уже абсолютно другим человеком.

*

Поначалу Марьяна брала Тимура домой каждые выходные. Потом раз в две-три недели. Со временем это стало происходить всё реже. Особенно после родов. Ещё через полтора года Татьяна перестала его навещать и забирать домой. А потом Тимуру сообщили, что Марьяна отказалась от него.

Это произошло после той ситуации с ребёнком. Ночью Марик сильно плакал, Тимур хотел его успокоить и взял на руки. Вдруг включился свет, влетел Валера и отобрал у Тимура ребёнка.

– Что ты с ним сделал? – вопил Валера – Почему он так плачет?! Ты уронил его?! Отвечай, ты уронил его?!

Тимур стоял на плацу в общем строю. Шёл дождь, но они продолжали стоять. Разъярённый офицер орал что-то про дисциплину, порядок, успеваемость. Старого идиота никто не слушал. Все промокли и хотели поскорее зайти в помещение.

А Тимуру нравился дождь. Зубы сжались от холода. Не то, чтобы он как-то особенно привязался к Марьяне. Но эта новость пахла предательством. В квартире Марьяны у Тимура полка с книгами – её большие не будет. Клён за окном, он так и останется стоять там, но Тимур не

сможет также любоваться им из окна. Он вообще не сможет пойти в тот район. Этот островок жизни – **вырезан.**

Навсегда.

Куда он пойдёт на выходных? Он останется здесь. В квадрате этого забора. С этими людьми. Дома у Марьяны он почувствовал уют. Здесь он почти все время чувствует опасность. Игра в вышибалу. Ты один, а их – шесть. Вас трое, а их – весь класс.

Опасность закончится ночью? Вспомни об этом, когда они перевернут твою кровать – вместе с тобой. Когда украдут у тебя ножик или прибьют туфли гвоздями к полу. Когда белые кеды станут чёрными от гуталина. Когда сумка с вещами окажется изорванной и грязной от того, что ею играли в футбол. Их фантазия безгранична. Каждый день что-нибудь новенькое. Чем больше тебе, тем приятнее им. Пойти жаловаться? Кому? Воспитатели все видят. Эти суки всё знают и отводят взгляд. Да и что толку? Что они могут изменить? Наступит ночь, старшие разойдутся по домам и всё начнётся по новой.

Металлический привкус на губах. Если Тимура сейчас кто-то тронет, он взорвётся.

...а потом стало как-то легче. Стало наплевать. На всё. Абсолютно на всё. Он больше никогда не видел их. Ни Марьяну, ни Валеру, ни мальшиа Марика, ни своей комнаты, ни игрушек.

*

Сразу видно, что выходной день. Комплекс опустел. Первым делом Тимур направился к Полине. Несколько раз стучался в дверь – тишина. На звонки она не отвечала.

Пошёл к себе. Очень хотелось принять душ, запах костра въелся в волосы. Открыл дверь в номер, прошёл по коридору и замер. Да, ключ в руке... Но Тимур абсолютно не помнил, как воспользовался им. То ли задумался, то ли исчезновение Полины сбило его с толку, но он не заметил, как открыл свою дверь. Точно ли он вставлял ключ в замок или она уже была открыта?

Постучался к Химику. Ну, хоть этот на месте.

– Здоров! Полину не видел?

– Туда пошла. – Химик кивнул в направлении заброшенной части НИИ. Вид у него был помятый. – Чего вы там? Нашли что-нибудь?

– Вроде того. Она одна пошла? Или со своим отмоороженным?

– Одна. Стаса я не видел.

– А давно?

– Утром. Часа три назад. Так что там у вас?

– Давай мы с ней вернёмся и все расскажем.

– Лады.

*

Тимур принял душ и оделся в свежее. Заскочил в столо-

вую, набрал бутербродов и пошёл к Полине.

Он представлял, как расскажет о родителях, пусть и то небольшое, что узнал от Михал Юрича, как покажет их фотографии. Наверняка у Юрича есть ещё фото или какие-нибудь материалы. Надо их познакомить, надо чтобы Полина тоже услышала всё это.

А главное – сообщить ей о том, что отец уже открыл формулу двадцать лет назад! Показать ей то самое место в тетради, где он зашифровал её.

Тимур заскочил в окно старого корпуса, прошёл по коридору и спустился на нижний этаж. Странно, но в лаборатории Полины не оказалось.

– Полина! – он почувствовал какой-то странный озноб – Поля!

Нет, никого нет. Тишина в пустых коридорах. Куда она могла деться? Может, уехала домой на выходные? Если так, то он пойдёт к Михал Юричу? Сбоку шорох. Что там? Тимур хотел повернуться, но не успел. Удар, звон в висках и серый фон, как помехи на экране телевизора.

*

Я выдохнул и больше не мог вдохнуть. Тонкие кружева чёрного платья. Ты шла вниз по ступенькам. Солнечный свет пробивался сквозь твои волосы, слепил глаза.

Возможно ли влюбиться в человека с первого взгляда? Когда-то я бы ответил, что не знаю. А теперь именно эта

первая картинка возникает перед моими глазами.

Ты прошла мимо и улыбнулась мне. А я, наверное, выглядел очень глупо, потому что не мог выдавить из себя ни слова. Кажется, в тот момент я сделал первый вдох. Подари мне один день.

Мы очень быстро и легко подружились. Ты познакомила меня со своими друзьями.

– Приезжай, будет весело – сказала ты. Тогда я впервые почувствовал, что не могу сопротивляться.

По выходным мы собирались в старом парке у пруда, разводили костёр, жарили сосиски, играли на гитаре. Я смотрел в огонь и чувствовал себя счастливым. Иногда ты сидела рядом – и этого было достаточно. Я ни с кем столько не шутил, не смеялся. Настроение поднималось от одной мысли, что снова увижусь тебя.

Подари мне один день. Он будет особенным. Белое платье в лучах вечернего солнца. Ты улыбаешься, стоишь рядом, и я чувствую себя абсолютно счастливым.

Я выдохнул и больше не смог вдохнуть. Все, что нам нужно было тогда – поговорить. Все вокруг окрасилось серым. Просто спокойно проговорить обо всем. И мы бы пошли дальше. Мы бы смогли...

*

– А-а-а, наш герой проснулся? Как самочувствие, молодой человек? – Тарасенко встал перед Тимуром и с усмешкой

заглянул ему в глаза.

Голова раскалывалась. Острая пульсирующая боль в левом виске. Запястья тесно пережаты. Открыл глаза, резануло светом. Но смотреть надо, видеть – надо! Он сидит в каком-то кресле, наподобие стоматологического. Руки привязаны к подлокотникам верёвками.

– Что? Голова болит? Ну, прости, дорогой, иначе нельзя было. А мы ведь тебя уже заждались. – приговаривал Тарасенко.

Полина сидела напротив Тимура в таком же кресле. Глаза заплаканные, под правой бровью ссадина, на руках верёвки. На столе рядом с ней развороченный рюкзак и тетрадь. Синяя тетрадь с формулой.

– Ты как? – прохрипел он Полине. Кровь на уголках его губ запеклась и липла.

– Нормально она! – рявкнул Тарасенко. Но тут же сменил крик на мурлыкающий голос – Не переживайте, молодой человек.

Он поставил перед Тимуром столик для медицинских инструментов. Сверху положил шахматную доску и начал раскладывать фигуры.

– Мы сейчас с Вами поиграем...

– Ни во что я с тобой играть не буду!

Тарасенко качнул головой, поднял глаза на Тимура.

– Хм... Боюсь, выбор у Вас не велик.

Он открыл металлический чемоданчик и достал шприц.

Положил его на столик рядом с шахматной доской.

– Что это?

– Сыворотка. Та самая сыворотка, над которой работает вся наша махина. И ты будешь играть. Иначе – укол.

– Коли! Давай, я готов!

– Да не тебе, рыцарь. Ей! Она разрабатывала, на ней и опробуем.

– Не трогай её, мразь!

– Фу, как грубо – Тарасенко сморщился. – Ну, хорошо, меняем правила. Если ты выиграешь, уколём тебя. Если проиграешь – Полину.

– Ты! – Тимур задёргался.

– Так что... Либо ты согласишься сыграть со мной, либо я сделаю твоей сестре больно. Решать тебе – Тарасенко говорил тоном абсолютно официальным. Как будто они сидели на утренней планёрке. В одной руке он держал шахматные фигуры, в другой шприц.

Тимур смотрел на него и не мог поверить, что всё это происходит в действительности. Значит, Михал Юрьевич не врал. Конечно, не врал!

– Не удобно играть со связанными руками, знаешь ли.

– Ах да! Твои руки... Что ж, они останутся связанными. Но же мы оба знаем, что в шахматах главное не руки, а – голова. Называй координаты, я буду переставлять фигуры. А для начала... – он взял с доски белую и чёрную пешку, сложил их за спину – в какой руке?

– Развяжи её.

– Сразу же после твоей победы. Выиграешь – развяжу. Уколю тебя и развяжу её. Даю слово. В какой?

Тимур понимал, что это блеф. Но нужно время, чтобы хоть что-то придумать. Он кивнул на левую руку Тарасенко.

– Чёрная. Ну, что ж, я первый.

Тарасенко поставил пешки на доску и сделал ход пешкой.

– А пока мы играем, позволь я расскажу тебе одну...

– Чего тебе надо? Что ты хочешь? – закричала Полина.

– Видишь ли, дорогая моя, все мы здесь сегодня собрались не просто так. Как, вероятно, уже знает этот молодой человек, вы не просто юноша и девушка. Вы – брат и сестра. Родные брат и сестра. Дети молодых учёных этого самого НИИ. Сергея и Виталии Громенковых. Вот этих, – Тарасенко показал на фотографию на столе. – которые погибли при пожаре двадцать лет назад, в этом самом здании. И, скажу больше, *в этих самых креслах*. А надо мне от вас вполне конкретного: провести ритуал. Ещё раз.

– Какой ещё ритуал?

– ...и начнём мы с того, что так любил ваш папаша. С игры в шахматы. Если, конечно, наш гроссмейстер не выберет более скоростной исход событий. Ты ведь не против, умник?

Тимур молча смотрел на него.

– Да, кстати! Тебе будет приятно знать, что эти шахматшки когда-то принадлежали вашему папашке. Я сохранил их, так сказать, для нашего случая. Можете не сомневаться,

сегодня нас с вами ждёт очень интересный вечер. Так или иначе. Быстрее или дольше. Я никуда не спешу. Куда важнее почувствовать момент. «Красота спасёт мир» – говорил классик. А я бы дополнил «красота *исполнения* спасёт мир». Важна не конечная цель. А то, как ты себя чувствуешь на пути к ней, сам процесс движения. Время быстрых побед прошло. Эта дорожка исхожена вдоль и поперёк. В том, чтобы просто поставить мат, нет особого интереса. Другое дело – **процесс**. Я ищу хорошую игру. Дольше, опасней, красивее. Чем хуже, тем лучше. Чем сильнее противник, тем интересней. Чем меньше шансов на победу, тем эта победа слаще. Понимаешь? Понимаешь, по глазам вижу.

Тарасенко говорил медленно. Процеживал каждое слово. Он действительно никуда не спешил. Делал именно это – наслаждался процессом. Питался их страхом. Для него время шло в противоположном направлении. Чем хуже Тимуру и Полине, тем лучше ему. Чем больше им – тем слаще ему.

– Что за бред... – Сказала Полина – Зачем тогда всё это? Зачем это НИИ, зачем «DL-4»?

– Мне плевать на «DL-4», – Ответил Тарасенко. – Я знаю, что эта формула ведёт в тупик. Так же, как и «DL-2». Мы никогда ничего не сделаем. Только не здесь. Не с вами.

– Тогда к чему всё это?

– Сладкая моя. Целью всего этого праздника были вы двое. Потому, что вы – дети своих родителей. А ваши родители были, скажем так, людьми неординарными. Впрочем,

Тимур всё это, наверняка уже знает, так? Что тебе рассказал Юрич?

– Вы работали вместе. А потом ты их убил.

– Фу! Убил! Как некрасиво! Это была случайность! Я предложил им лучший вариант развития событий – сотрудничество с теми людьми, которые по достоинству оценят их талант, их возможности. Западные партнёры. Там и Германия была, и Австрия... Но! Они не захотели, предпочли остаться здесь. Глупые патриоты страны, которой они не нужны.

– Ты убил их! И сбежал!

Тарасенко снисходительно улыбнулся отрепетированной улыбкой.

– Ничего не доказано, друг мой. Это была случайность. Трагическая случайность. Эксперимент прошёл неудачно, а дальше, сам понимаешь... жертвы.

– Ты привязал их точно так же, как и нас? Такой был эксперимент? Это ты называешь случайностью?

Тарасенко престал корчить гримасы и подошёл ближе к Полине.

– Ты права. Я привязал их к креслам точно так же, как и вас. Они стояли у самых истоков. Кто, если не они, должны были пройти испытания сыворотки первыми? И ведь сначала всё шло так, как мы ожидали. Их сознание расширилось. Я видел в их зрачках. Я всё это время был рядом, и всё хорошо видел. Но, судя по всему, они были не готовы... То

ли несовместимость, то ли доза слишком велика. В любом случае, произошло то, что произошло. Они погибли. Но не все. И я с нетерпением жду в гости одного из своих старых друзей. Он ведь придёт? – с этими слова он наклонился к Тимуру.

– Дверь открой, а то долго придётся ждать.

– Двери то? Двери открою, конечно. В своё время. А пока... начнём, пожалуй. Итак, перед отправлением в мир будущего хочу сказать вам пару слов. Во-первых, передавайте привет предкам. И во-вторых...

– Не боишься, что в этот раз не проканают и тебя раскроют?

– Кто? Боже мой, скажи, кто меня раскроет? Менты? Я тебя умоляю! Более того, открою небольшой секрет: вас убил не я.

– Кто же? – спросила Маша

– А твой любимый. Горячий молодой ревнивец Стас. Не смог пережить повышение своей избранницы, да и к тому же эти слухи про завязавшийся роман с новым сотрудником... Ваша ночная драка. Бедняга... Все видели, как он переживал! Вот и не справился со своими эмоциями.

– Что ты с ним сделал, тварь?!

– Я?! Ничего. А вот что с ним сделала ты, раз ему так крепко снесло башню? Застав двоих любовников врасплох, к тому же, под наркотой, он не удержался и убил их обоих. А потом и себя. Потому, что любил тебя, суку!

– Какая наркота?! Это сыворотка!

– А это второй нюанс, о котором я хотел сказать. Дорогие друзья, никакой сыворотки на самом деле нет. И никогда не было. Ещё тогда, двадцать лет назад, мы пришли к выводу, что ищем то, чего нет. Всё, с чем мы работали – это лишь более и более мощные наркотики, и психотропные средства. Вся эта история про «DL-2», а потом и «DL-4» – фикция. Ваш отец решил прикрыть проект. Но не успел... увы.

– Ты так ни хера и не понял, осёл. – сказал Тимур и сплюнул кровью себе под ноги – Ослом был, ослом и подохнешь.

– Что ты сказал?

– Отец тебя и здесь сделал. А ты, осёл, за двадцать лет так ни хера и не понял.

– А ну, повтори! Повтори ещё раз! – Тарасенко схватил Тимура за волосы, резко развернул к себе и поднёс к его глазу скальпель – Повтори это ещё раз, мразь!

Их глаза оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Тимур улыбнулся. Он не боялся.

– Отец тебя сделал! – медленно проговорил Тимур. Вот сейчас – хорошо. Сейчас он чувствует. Он видит в глазах Тарасенко маленького мальчика. Маленького, обиженного на весь мир ублюдка, который никогда не любил и не будет любить никого, кроме себя. Таких надо лечить в самом начале. Ещё в песочнице, пока они держат в руках пластмассовую лопатку, а не автомат с боевыми патронами или власть над жизнями других людей.

– Формула там, в тетради, – тихо проговорил Тимур. – Готовая формула. Отец разработал её. А потом увёл расчёт в сторону. Знал, что ты, крыса, стоишь за спиной. Он выиграл и эту партию. А ты так ничего и не понял.

Глаза Тарасенко наполнились желтизной. Тимур чувствовал волны ненависти, исходящие от него.

– Сколько лет тетрадь пролежала у тебя? Сколько раз ты перечитывал его расчёты? Сколько раз пытался понять? И кто ты после этого? Иди, посмотри. Шесть страниц до конца. Написана одними чернилами, зачёркнута – другими. Ну!

Тарасенко колебался. Но Тимур был абсолютно спокоен. Знал, что говорит правду. И Тарасенко почувствовал это. Отпустил его, пошёл к тетради.

В этот момент дверь открылась, послышались шаги. Тарасенко замер, положил шприц на стол, потянулся к пистолету. В проходе показался Химик.

– А чё это вы тут?

– Максим! Помоги! Скорее, давай сюда, – затараторил Тарасенко не своим голосом.

– Что случилось?

– Скорее, помоги мне их развязать! Давай, ты Тимура, а я Полину. Пока они не пришли!

– Кто? – Химик никак не мог понять, что происходит.

– Потом объясню! Давай, помоги мне!

– Макс, это он! – закричала Полина. – Это он нас сюда! Не верь ему!

– Не слушай её, – перебил Тарасенко. – Видишь, истерика. Давай, развязывай! Потом объясню.

– Что тут произошло? – продолжал растерянно бормотать Химик и взялся за верёвку на руке Тимура.

– Осторожно! Это он! – прошипел Тимур. – Это он, Макс! Глухой удар, Химик тряхнул головой и повалился на пол. За его спиной стоял Тарасенко с пистолетом в руке. Выстрела не было, он ударил рукоятью.

– Нет человека, нет проблемы, так? – сказал Тарасенко. – Ну что ж, значит, будет четыре трупа.

Химик лежал на полу без сознания, по его волосам текла кровь.

– Да что ж ты за тварь такая! – закричала Полина. Тимур молчал, выкручивая руку. Химик не успел развязать верёвку. Но натяжение стало слабее.

Справа мелькнула тень. Из-за стены выскочил Михал Юрич и бросился на Тарасенко. Они сцепились, повалились на стол. На пол посыпались реактивы. Разбилась какая-то колба. Вспышка! Огонь! Рыжеватое пламя быстро охватило лежащий вокруг хлам. Старые ватманы и пачки бумаг вспыхнули, как хворост.

Тимур рывками вытащил левую руку из-под верёвки. Затем освободил правую и грудь. Подбежал к Полине.

– Тимур!
– Дыши спокойно. – Пока он отвязывал её, дым заполнил комнату. – Пригнись и к выходу!

– А ты?

– Вперёд! – он подтолкнул Полину.

Тимур повернулся. Михал Юрич прижал Тарасенко к полу и осыпал его тяжёлыми ударами кулаков. Кажется, он уже и не сопротивлялся.

– Михал Юрич, помочь?

– Выводи их!

Химик лежал рядом, в двух шагах от Тимура. На полу под его головой лужица крови. Дым всё сильнее. Думать некогда. Тимур схватил Химику и потащил к выходу.

Вместе с Полиной они перенесли его метров на десять от здания. Тимур убедился, что Максим дышит и побежал обратно.

За эти секунды дыма значительно прибавилось. Он стелился под потолком и быстро заполнял коридор. Тимур пригнулся, натянул майку на нос и подбежал к лестнице. Здесь дела обстояли хуже. Ступеньки уходили вниз, прямо в густое чёрное облако.

Почему Михал Юрич до сих пор не вышел?! Тимур набрал побольше воздуха и махнул вперёд.

Хлопок, яркая вспышка. Его сбило с ног, толкнуло назад. Рука неудобно подвернулась в плече и с хрустом выгнулась в обратную сторону. Так больно, что он не мог кричать. Не мог даже вдохнуть! Сердце сжалось, а потом резануло дикой болью.

И тут раздался второй взрыв – ещё громче.

*

Воробей скачет по белой полоске подоконника. Недоверчиво озирается по сторонам, но уже не пугается, как раньше и не улетает, едва схватив зёрнышко.

Тимур ещё вчера заметил его. Утром снова рассыпал семечки на углу подоконника и открыл книгу. Не прошло и часа, как крохотные лапки засеменяли с той стороны стекла. Тимур проследил за птицей одними глазами, довольно хмыкнул.

В больничной палате пахло спиртом и лекарствами. Он наловчился делать всё одной рукой и уже не обращал внимание на гипс. Повезло ещё, что не положили на растяжки, как соседа с ногой.

К концу недели опухоль на руке начала спадать, но кожа под гипсом теперь невыносимо чесалась. Находчивый Химик достал где-то спицу, обмотал конец синим шерстяным шнурком. Назвал своё изобретение «чесалка универсальная» и торжественно вручил её Тимуру. После этого жить стало легче.

Полина навещала его каждый день. Приносила фрукты, свежую одежду. Один раз приехала со своими родителями. Они оказались очень открытыми людьми, звали Тимура в гости после выписки. И даже привезли ему небольшой телеви-

зор. Теперь Тимур знал весь скорбный список дневных телепередач для домохозяек.

После того, как пожар потушили, в лаборатории были найдены останки одного человека. Не двух, а именно одного. Тело обгорело так сильно, что пришлось проводить экспертизу. Все эти дни они ждали заключения специалистов.

– Это Михаил Юрьевич. – сказала Полина, войдя в палату.
– Да ты что... – Тимур прикусил губу.

Конечно, они предполагали и такой вариант. Если в лаборатории нашли только одно тело, значит... Бесконечное множество вариантов развития событий сводилось к трём основным предположениям. Либо Михал Юрич спасся, но куда-то пропал. Либо второе тело просто не обнаружили. Либо спасся не Михал Юрич и это уже совсем другое дело. И, всё же, они до последнего ждали какого-то чуда...

– Он уже добивал Тарасенко. Я сам видел.

– Видимо, что-то произошло, пока мы выбирались.

– Если бы я сперва помог ему, всё могло быть иначе.

– Не кори себя. Откуда тебе знать, как могло быть.

– Да, я понимаю, после драки кулаками... Но не могу остановить свои мысли.

– Тимур, ты спас нас с Химиком. Если бы не ты, неизвестно, сколько трупов обнаружила бы полиция.

– Михал Юрич говорил, что там, рядом с лабораторией есть дверь в бомбоубежище. Подземный тоннель ведёт к озе-

ру. Наверняка Тарасенко тоже знал об этом тоннеле.

– Думаешь, он сбежал через него?

– Да, вероятно. Или, по крайней мере, отсиделся там, пока всё не утихло. Я хочу сходить туда и всё осмотреть, когда выпишут.

Тимур замолчал. Мысли о том, что он мог поступить иначе, не оставляли его. Ненависть подкатывала к горлу. Ему хотелось снова оказаться там, в подвале и, освободившись, взяться за Тарасенко. Эта крыса перечеркнула жизни родителей, лишила его детства. А теперь ещё и Михал Юрича не стало. Впрочем, если его тело действительно не нашли, значит тут ещё есть над чем поработать...

– Знаешь, в понедельник я хотел только одного – поскорее уехать отсюда.

– А теперь?

– Теперь всё поменялось. Это НИИ, наши родители, Михал Юрич... Я встретил тебя и... Я пытаюсь всё это осознать, но пока не могу. Ещё неделю назад у меня не было абсолютно никого на земле. А теперь...

– Думаю, у нас ещё будет время прочувствовать, что такое брат и сестра.

– Угу...

– Что будем делать с формулой?

– Не знаю... Я в своей то жизни разобраться не могу. А тут средство, которое может повлиять на судьбы других людей... Отец не хотел, чтобы формулу использовали. Навер-

няка у него были на это причины. Тетрадь сгорела, может оно и к лучшему. И, кстати... – Тимур осёкся и посмотрел на Полину. В её глазах он увидел отражение своих мыслей. – Погоди, тетрадь же сгорела?

Воробей цапнул очередную семечку, коротко пискнул и слетел с окна.

¹ – Борис Гребенщиков *«Растаманы из глубинки»*;

² – Сергей Калугин *«Селёдка»*;

³ – УК РФ Статья 228. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества;

⁴ – гр. «Ария» *«Ночь в шале»*;

⁵ – И. Бродский *«В рождество все немного волхвы»*;

⁶ – Е. Летов. *«Отряд не заметил потери бойца»*